

ВЕЛИКОХАНЬСКИЙ ГЕГЕМОНИЗМ И ПУБЛИКАЦИИ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В КНР

Член-корреспондент АН СССР С. Л. Тихвинский

Серьезную озабоченность историков-марксистов, всех тех, кому дороги социалистические завоевания китайского народа, вызывает все увеличивающееся число публикаций на исторические темы в КНР, проникнутых духом великоханьского шовинизма, призванных обосновать гегемонистские претензии маоистского руководства КПК. То обстоятельство, что среди многочисленных средств идеологической борьбы с Советским Союзом, мировым социализмом и марксистско-ленинской наукой маоисты активно используют историю, далеко не случайно. Фальсификация новой и новейшей истории в духе маоистских установок занимала существенное место в попытках Мао Цзэ-дуна навязать КПК и китайскому народу свою антимарксистскую, антиленинскую идеологию. Такой канал воздействия был унаследован маоистами из многовекового опыта правящих классов старого Китая — единственной страны в мире, где составление династийных историй, воспевающих «историческую правоту» и «мудрость» отдельных правителей (равно как и обличение порядков, существовавших в конце правления предыдущей династии) было возведено в ранг государственного дела особой важности.

Маоисты открыли таким образом новый фронт идейно-политической борьбы против мирового социализма, международного коммунистического и национально-освободительного движения. Научное опровержение и разоблачение маоистских фальсификаций исторического процесса, и в особенности маоистской версии новой и новейшей истории, — ответственная интернациональная задача историков-марксистов всех стран.

Интернационалистские силы в КПК неоднократно предупреждали о надвигающейся опасности — росте в стране великодержавного шовинизма. Об этом подробно говорилось в решениях VIII съезда КПК. Редакционная статья «Жэньминь жибао» от 29 декабря 1956 г. напоминала: «Хотя наша страна в настоящее время все еще является отсталой в экономическом и культурном отношении, но, когда изменятся условия, тенденция к великодержавному шовинизму несомненно станет серьезной опасностью, если всячески не предострашивать ее. Следует также указать, что в настоящее время такая опасность уже начала проявляться среди некоторых наших работников. Поэтому как в резолюции VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, так и в заявлении правительства Китайской Народной Республики от 1 ноября 1956 г. перед нашими работниками поставлена задача борьбы с тенденцией великодержавного шовинизма»¹.

Как известно, мелкобуржуазно-националистической группе Мао Цзэ-дуна вскоре после VIII съезда КПК удалось перечеркнуть эти и

¹ См. «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». М. 1956, стр. 33—34.

другие важные решения съезда и навязать руководству партии свои реакционные взгляды. Тем не менее ряд видных китайских историков-марксистов перед лицом нараставшей шовинистической волны продолжал твердо отстаивать классовый, а не националистический подход к историческим явлениям, предостерегал против модернизации истории в угоду великодержавности. Профессор Пекинского университета Цзянь Бо-цзань, например, писал в «Гуанмин жибао» 22 декабря 1961 г.: «Описывая национальные отношения, необходимо различать господствующие классы и народы различных национальностей, но нельзя говорить, что народ имеет только классовое чувство и не имеет узконациональных чувств и предрассудков. Даже после освобождения мы все еще проводим агитацию и воспитание, направленные против остатков ханьского шовинизма и местного национализма. Что же тогда говорить о людях прошлых эпох?.. Мирное сосуществование государств с различными системами — это один из пяти принципов, выдвинутых недавно на Бандунгской конференции; нельзя требовать, чтобы люди прошлых эпох также соблюдали этот принцип, тем более нельзя говорить, что люди прошлых эпох в соответствии с этим принципом регулировали свои международные дела, нельзя изображать дело так, как будто бы с древних времен наша страна мирно сосуществовала с соседними государствами, имела с ними «братские» отношения, подобные современным, и даже пользоваться при этом такими модернизированными выражениями, как «родственная дружба» и др. Такое изображение — пасквиль на историю... В исторический период существования классового общества была великодержавность; великодержавность — самое плохое историческое наследие, доставшееся нам от классового общества»².

Против проявлений великодержавного шовинизма в той или иной форме выступали также известные китайские историки Хоу Вай-лу, Шан Юэ, У Хань, Дэн То и др. Из-за строгой цензуры и суровых преследований инакомыслящих в КНР многие видные историки были вынуждены вести главным образом скрытую борьбу, что выражалось в исторических аллегориях, параллелях, в использовании эзоповского языка, а также в пропаганде тех положений классиков марксизма-ленинизма, которые маоизм отбрасывал. Хоу Вай-лу, например, опубликовал серию статей о драматурге и поэте Тан Сянь-цзу (1550—1616 гг.), в которых особо отметил смелое обличение последним порядков, царивших при Минской династии. Исторические пьесы и статьи У Ханя о минском сановнике Хай Жуче, историческая драма Тянь Ханя о Се Яо-хуане, савовнике танской эпохи, и биография другого танского сановника Вэй Чжэна, подготовленная к изданию Лу Дин-и, в положительных тонах повествовали о дальновидных представителях феодальной интеллигенции, заботившихся о судьбах страны и народа и осуждавших корыстную, антинародную политику императоров.

Стремление избежать открытой политической борьбы с маоизмом было характерно в тот период не только для историков, но и для многих китайских партийных и государственных руководителей, так или иначе видевших пагубность националистического курса Мао Цзэ-дуна, но не решавшихся в условиях безраздельного господства его культа подвергнуть этот курс открытой, принципиальной критике.

Советскими историками еще в начале 60-х годов было обращено внимание на то обстоятельство, что в связи с обозначившимся открытым отходом руководителей КПК от марксистско-ленинской теории и практики в исторической науке в КНР стали распространяться националистические и даже расистские идеи. Научный анализ закономерностей

² Цзянь Бо-цзань. Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем. См. «Историческая наука в КНР». М. 1971, стр. 248—249.

развития китайского общества все чаще стал подменяться субъективистским толкованием исторических событий в угоду маоизму. Враждебные марксизму-ленинизму концепции ряда китайских историков были тогда подвергнуты обстоятельной, научно аргументированной критике в работах советских ученых³. С решительным развенчанием псевдонаучных, проникнутых духом великоханьского шовинизма теорий о якобы прогрессивности татаро-монгольских завоеваний стран Азии и Европы, распространявшихся Чжоу Гу-чэном, Хань Жу-линем и другими китайскими историками, выступили также ученые Монгольской Народной Республики⁴.

В 1966 г. в связи со столетием со дня рождения Сунь Ят-сена, большого друга Советского Союза, выдающегося китайского революционера-демократа, возглавившего многолетнюю героическую борьбу китайского народа за свержение маньчжурской Цинской монархии, коллективом советских китаеведов был выпущен сборник статей «Маньчжурское владычество в Китае» (М. 1966), материалы которого с достаточной полнотой и убедительностью показали несостоятельность попыток отдельных китайских историков обосновать «прогрессивность» завоевания Китая маньчжурами и «исторические заслуги» первых маньчжурских богдыханов. Вышедший в 1970 г. сборник статей советских историков-востоковедов «Татаро-монголы в Азии и Европе» (М. 1970) давал исчерпывающий ответ фальсификациям Хань Жу-линя и ему подобным, пытавшимся период господства монгольских завоевателей рассматривать как век небывалого «объединения» Китая и усиления влияния его культуры на многие народы с помощью военных походов монголов.

Начавшаяся в середине 1966 г. «культурная революция» в КНР приостановила там научные исследования в области общественных наук, в том числе издание книг и статей по истории; прекратились выпуск исторических журналов, преподавание истории в школах и вузах, подготовка кадров. Видные китайские историки, не согласные с буржуазно-националистической линией маоистского руководства, были подвергнуты травле, ошельмованы и репрессированы, а некоторые, как, например, Цзянь Бо-цзянь, стали жертвой самосуда озверевшей толпы хунвэйбинов. События периода «культурной революции» в КНР вызвали у советских историков необходимость более глубоко разобраться в положении, сложившемся в китайской исторической науке после 1949 г., поновому взглянуть на материалы методологических и теоретических дискуссий по проблемам истории, проходивших в КНР в 50 — начале 60-х годов.

Выполнению этой задачи был посвящен сборник статей «Историческая наука в КНР» (М. 1971). Его авторы отмечали, что еще в первый период послереволюционной китайской историографии, с 1949 по 1959 г., несмотря на большие достижения в области исторической науки, на ее развитие наложили значительный отпечаток устоявшиеся традиции, схоластика, догматизм, все более заметные по мере канонизации «идей Мао Цзэ-дуна», нашедшие свое выражение уже в решениях VII съезда

³ См. И. М. Майский. Чингисхан. «Вопросы истории», 1962, № 5; Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингисхан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5; Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. «Вопросы истории», 1963, № 10; А. П. Окладников. Советский Дальний Восток в свете последних достижений археологии. «Вопросы истории», 1964, № 1; Л. Ф. Ильичев. Революционная наука и современность. Против антиленинского курса китайских руководителей. «За чистоту марксизма-ленинизма». М. 1964; С. Л. Тихвинский. Антимарксистские проявления в области исторической науки в КНР. Там же; В. М. Хвостов. Китайский «счет по реестру» и правда истории. «Международная жизнь», 1964, № 10.

⁴ Редакционная статья газеты «Унэн»: «Боевое решение III пленума ЦК МНРП — воплощение принципов пролетарского интернационализма» («Правда», 1.XI.1962).

КПК (1945 г.); китайские историки были вынуждены принимать участие в «большом скачке» и многих других политических кампаниях, что сильно тормозило их творческий труд. Так, например, в период «большого скачка» в коллективах научных институтов исторического профиля шли непрерывные собрания, в ходе которых от историков требовали писать побольше «дацзыбао» — стенных газет «крупных иероглифов» с критикой в свой адрес и в адрес своих коллег. Как показала жизнь, «большой скачок» провалился как в области экономики, так и в науке. Многие из опубликованных тогда книг представляли собой наспех сделанные, часто с помощью студентов, компиляции и набор цитат из газет. В ходе политических кампаний 1956—1958 гг., которые, разрастаясь, слились в одну, получившую название «борьбы двух путей в исторической науке», стали высказываться огульные критические замечания в адрес исторической науки за пределами Китая, и любые ссылки на труды зарубежных историков стали рассматриваться как отступление от ортодоксального и предписанного пути, как «пренебрежение к китайскому», как «пресмыкательство перед иностранщиной».

В 1959—1965 гг. в результате сложившейся политической обстановки рост исторической науки в КНР замедлился. В эти годы появляются работы с явно ошибочными концепциями идеалистического и националистического характера (по вопросу о монгольском завоевании и Чингисхане, о маньчжурской власти и Канси, об «особой» роли Китая в мировой истории, об «извечной» революционности китайского крестьянства и т. д.), стала производиться переоценка ряда движений и личностей в истории Китая; ассимиляция малых народов, насильственно включенных в состав китайских империй, изображалась как благо для них; навязчиво проводилась идея «классичности» всего китайского, на все лады раздувалась роль Китая в мировой истории, усиливалась тенденция к чисто конъюнктурному освещению многих событий. В основе пересмотра роли и места некоторых правителей древности и средневековья лежали со всей очевидностью политические и националистические мотивы, стремление возвысить те фигуры, которые могли укрепить дух великоханьской гордости. Симптоматично, что, за редким исключением, в число исторических деятелей, оценку которых пытались переосмыслить и пересмотреть, попали «сильные личности» — императоры, утверждавшие централизованную власть, крупные военачальники, министры. Среди них иньский правитель Чжоусинь (X в. до н. э.), чжоуский царь Уван (IX в. до н. э.), первый император Циньской династии Цинь Шихуан (III в. до н. э.), ханьские императоры Гаоцзу и Уди (III—II вв. до н. э.), вэйский император Цао Цао (155—220 гг.), танская императрица У Цзэ-тянь (624—705 гг.). Прославлялись такие жестокие завоеватели, как Чингисхан, Хубилай и Канси. Одновременно в связи с общим курсом китайского руководства историческая наука в КНР стала все больше изолироваться от марксистской науки в СССР и других социалистических странах. В годы «культурной революции» научная и педагогическая деятельность китайских историков фактически прекратилась и наступил период полного застоя в исторической науке Китая.

Непосредственным предшественником развязанной маоистским руководством «великой пролетарской культурной революции» была начатая по личному указанию Мао Цзэ-дуна массовая кампания огульной критики исторических пьес и статей У Ханя о Хай Жуге. В ходе самой «культурной революции» аналогичной критике подверглись работы специалиста по истории тайпинов профессора Ло Эр-гана, в которых рассматривались искажения в исторических материалах об одном из наиболее выдающихся вождей тайпинов, получившем титул «верного князя» — Ли Сю-чэне. В исторических драмах У Ханя «Хай Жуй ругает императора» и «Хай Жуй уходит в отставку»⁵ и в ряде его статей об

этом чиновнике династии Мин, жившем около 400 лет тому назад, был воссоздан образ смелого и неподкупного государственного деятеля средневекового Китая, выступавшего против произвола двора, беззакония чиновников, коррупции, захвата крестьянских земель крупными землевладельцами. Хай Жуй назвал императора Цзяцина ответственным за все эти злоупотребления и в знак протеста вручил императору прошение об отставке. 10 ноября 1965 г., то есть через 6 лет после появления основных работ У Ханя о Хай Жуе, шанхайский публицист Яо Вэньюань, связанный тесными узами с семьей Мао Цзэ-дуна, подверг на страницах шанхайской газеты «Вэньхуэй бао» яростной критике произведения У Ханя, усмотрев в них скрытое выступление против политики «большого скачка», народных коммун и Мао Цзэ-дуна.

Статья Яо Вэньюаня положила начало массовой огульной критике всего творчества У Ханя, в ходе которой последний обвинялся главным образом в том, что, описывая жизнь и деятельность Хай Жуя, он на самом деле имел в виду маршала Пэн Дэ-хуая, отстраненного Мао Цзэ-дуном с поста министра обороны на VIII Лушаньском пленуме ЦК КПК 8-го созыва, состоявшемся в июле — августе 1959 г., за открытую критику политики «большого скачка» и насаждение народных коммун. В сборнике документов «Дело Пэн Дэ-хуая», изданном в 1968 г. в Гонконге на китайском и английском языках, приводятся его слова, сказанные на пленуме ЦК КПК: «Я не буду больше молчать. Я хочу быть Хай Жуем», — видимо, послужившие возникновению такого обвинения в адрес У Ханя⁶.

Труды известного историка Ло Эр-гана о Ли Сю-чэне подверглись резким нападкам со стороны другого видного руководителя штаба по проведению «культурной революции» Ци Бэнь-юя, бездоказательно назвавшего Ли Сю-чэна — одного из выдающихся руководителей тайпинского восстания — изменником, предателем идей главы государства тайпинов — Хун Сю-цюаня. Хунвэйбинские листовки периода «культурной революции» усматривали в трудах Ло Эр-гана скрытую аналогию между Ли Сю-чэном, о котором с большой симпатией писал в своих работах Ло Эр-ган, и председателем КНР Лю Шао-ци, раскритикованным и репрессированным в период «культурной революции» за «измену идеям Мао». Первая статья Ци Бэнь-юя с критикой оценки Ло Эр-ганом личности Ли Сю-чэна появилась на страницах «Лиши яньцзю» еще в августе 1963 г., но тогдашние руководящие деятели исторического фронта — Лю Да-нянь, Ли Шу и др. не поддержали Ци Бэнь-юя, за что, в свою очередь, подверглись шельмованию в годы «культурной революции»⁷.

Пагубные для дела социализма в Китае итоги событий 1966—1969 гг., именуемых маоистами «культурной революцией», достаточно подробно освещены в советской партийной печати, общественно-политической и научной литературе⁸. После «культурной революции» социал-

⁵ У Хань. Хай Жуй ругает императора. «Жэньминь жибао», 16.VI.1959; его же. Хай Жуй ба гуань (Хай Жуй уходит в отставку). Пекин. 1961.

⁶ О критике У Ханя см.: Л. С. Васильев. Критика У Ханя в КНР. «Историческая наука в КНР»; О. Борисов, М. Ильин. Маоистская «культурная революция». «Вопросы истории», 1973, № 11, стр. 87; С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. М. 1975, стр. 155—164. Высказывание Пэн Дэ-хуая приводится в статье: В. П. Фетов. Пэн Дэ-хуай, Лушаньский пленум и «культурная революция». «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 139.

⁷ Ци Бэнь-юй. Патриотизм или национальное предательство. «Жэньминь жибао», 1.IV.1967; см. также Цзянь Цюнь-синь. Оборотни и изменники на историческом фронте, подобные Чжоу Яну и Лю Да-няню. «Жэньминь жибао», 8.I.1967, стр. 6; подробнее см.: Ф. Б. Белелюбский. Эскурсе «решительного левого» Ци Бэнь-юя в историю тайпинов. «Вопросы истории», 1975, № 10.

шовинистическая идеология заняла доминирующее положение в КНР, что не замедлило сказаться и в области исторической науки. Первый же номер первого из журналов из области общественных наук, который стал выходить после многолетнего перерыва, вызванного «культурной революцией» — журнала археологического профиля «Вэнь» («Материальная культура») от января 1972 г., — был посвящен «доказательствам» якобы исконной принадлежности современного Синьцзяна — Джунгарии и Восточного Туркестана — Китаю. Как писал в связи с выходом в свет № 1 этого журнала собственный корреспондент газеты «Гуанмин жибао» 11 января 1972 г., «важнейшей особенностью данного номера журнала «Вэнь» является то, что он самым тесным образом связан с современной обстановкой». Корреспондент «Гуанмин жибао» еще энергичнее осуществляет эту «связь с современной обстановкой», клеветнически приписывая Советскому Союзу стремление к посягательству на китайскую территорию и извращая смысл «Заявления правительства СССР правительству КНР от 13 июня 1969 года», в котором речь шла о завоевательной политике маньчжуро-китайских феодалов середины XVIII в. в отношении народов Джунгарии и Восточного Туркестана и описывалось фактическое состояние северных границ Китая накануне его захвата маньчжурами в XVII веке.

Антисоветскую направленность имел и № 1 другого журнала — «Каогу» («Археология»), возобновившего свой выход в январе 1972 года. В этом журнале была помещена статья Го Мо-жо, касавшаяся следующего сюжета. В 1969 г. в одной из могил танской эпохи в Астана (Турфанский уезд Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) был найден ученический список первых глав «Луньюй» (изречения, приписываемые Конфуцию), сделанный в 710 г. 12-летним китайским школьником Бу Тянь-шоу с его пометками и стихотворными пробами. Публикация этой действительно интересной археологической находки сопровождалась, однако, со стороны Го Мо-жо резкими нападками на Советский Союз, которому он, по существу, приписывал стремление вернуть КНР в пределы границ минской эпохи⁸.

Проповедью китайского гегемонизма и оголтелой враждой к Советскому Союзу была проникнута серия статей о всемирной истории некоего Ши Цзюня, публиковавшихся в «Хунци» в 1972 г. (№№ 4, 5, 6 и 11), перепечатанных во всех газетах КНР и позже изданных отдельной

⁸ Л. П. Делюсин. «Культурная революция» в Китае. М. 1967; «Новейшая история Китая (1917—1970 гг.)». М. 1972. стр. 375—420; И. Александров. Лозунги и дела китайского руководства. «Правда», 4.IX.1971; О. Борисов, М. Ильин. Указ. соч. «Вопросы истории», 1973, №№ 11, 12; В. И. Ларев. О социально-политическом содержании событий в Китае. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 6; С. Д. Маркова. Указ. соч., стр. 155—219.

⁹ Го Мо-жо. Заметки и стихи Бу Тянь-шоу, написанные им после переписки Луньюя. «Каогу», 1972, № 1. Цитируется по тексту, перепечатанному в «Гуанмин жибао» (15.II.1972). Го Мо-жо еще в 1971 г. переиздал свою старую работу о поэтах Танской династии Ли Бо и Ду Фу (Го Мо-жо. Ли Бо и Ду Фу. Пекин. 1971), причем первый же абзац этой книги, в котором Го Мо-жо бездоказательно утверждает, что Ли Бо родился близ озера Балхаш, то есть на территории, входящей в состав Советского Союза, показывает, с какой целью было предпринято переиздание этой книги. Книга написана с узкосектантских, «левацких» позиций, обвиняет двух выдающихся поэтов танского Китая в «приверженности» помещицкому классу и неспособности в силу этого служить народу (см. рецензию И. С. Голубева на эту книгу: «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2). Что касается подлинного места рождения Ли Бо, то большинство китайских литературоведческих изданий, в том числе «Китайский биографический словарь», указывают, что Ли Бо родился в уезде Цинлянь провинции Сычуань (Цзан Ли-хэ и др. Чжунго жэньминь да цыдянь. Б/м. 1940, стр. 383). Те же сведения содержатся в историко-географическом словаре (Се Шоу-чан и др. Чжунго гуцзинь динин да цыдянь. (Большой словарь географических терминов Китая с древнейших времен до наших дней). Шанхай. 1931, стр. 537). В изданной в КНР «Истории китайской литературы» указывалось, что Ли Бо уроженец окрестностей города Тяньшуй в современной провинции Ганьсу («Чунго вэньсюэ ши». Т. 2. Пекин. 1960, стр. 88).

брошюрой¹⁰. Эти статьи носили установочный характер и изучались в КНР в сети политечебы. Советскими историками уже был дан анализ реакционных, антимарксистских взглядов китайского автора (или авторов) этих статей¹¹, скрывавшегося (или скрывавшихся) под псевдонимом «Ши Цзюнь», что в переводе означает «Армия истории». Ряд положений статей Ши Цзюня свидетельствует о великодержавных гегемонистских устремлениях маоистов, об их утилитаристской, сугубо китаецентристской трактовке всемирной истории.

В самых первых абзацах первой из серии своих статей Ши Цзюнь делает заявку на будущее лидерство Китая в мировых делах. Он пишет: «Время, когда в мире распоряжались две сверхдержавы, уже не вернется назад. Живя в такую эпоху, нам необходимо готовиться к проведению великой борьбы, имеющей множество различных специфических черт по сравнению с прошлыми формами борьбы, а наш социалистический Китай, одержавший победу в революции, должен внести еще больший вклад в дело всего человечества»¹². Этот лейтмотив — об особой ответственности китайского народа за судьбы мировой революции — пронизывает все статьи Ши Цзюня. Нарисованная им картина современного мира отличается полным отсутствием классового анализа, надуманным схематизмом и сводится к пересказу внешнеполитических концепций маоистов. «Наш социалистический Китай» Ши Цзюнь объявляет «главным центром» революционного движения мира. Ни одна из стран, кроме Китая, не именуется в статье социалистической. Что же касается Советского Союза, то он одним росчерком пера Ши Цзюня переводится в разряд империалистических стран, среди которых попадает на особо неприглядное место «социал-империалистической державы», которая-де стремится «создать великую колониальную империю». Мировая социалистическая система также начисто исчезает в писаниях Ши Цзюня. В перечне величайших событий прошлого даже не упоминается Великая Октябрьская социалистическая революция.

Расстановка сил в мире дается в статьях Ши Цзюня в полном соответствии с последней, «доработанной» маоистской доктриной о «трех мирах»: Китай и страны «первой промежуточной зоны» (Азия, Африка и Латинская Америка) образуют «третий мир», который в союзе со странами «второй промежуточной зоны» («основные капиталистические государства Запада и Востока»), «вторым миром», противостоят «первому миру», образуемому «двумя сверхдержавами», то есть СССР и США. Но поскольку, как пишет Ши Цзюнь в своей последней статье, американский империализм «уже разоблачен народами мира и повержен со своей вершины»¹³, фактически предлагаемое маоистами под руководством Пекина «национально-освободительное движение» и «широкий единый фронт» оказываются направленными исключительно против Советского Союза, против мирового социализма.

Китай в статьях Ши Цзюня объявляется одновременно и идеологическим центром мира. Именно здесь, по его словам, «председатель Мао...

¹⁰ Ши Цзюнь. Ду идянь шицзе ши (Почитаем немного всемирную историю). Пекин. 1973; «Почитаем немного всемирную историю». «Хунци», 1972, № 4; «Еще раз поговорим об изучении всемирной истории». «Хунци», 1972, № 5; «Изучать историю империализма». «Хунци», 1972, № 6; «Понимать историю национально-освободительного движения». «Хунци», 1972, № 11.

¹¹ Е. Жуков, В. Кривцов, В. Фетов. Всемирная история в кривом зеркале маоизма. «Коммунист», 1972, № 16; Ф. Белелюбский. Маоистская концепция всемирной истории и подлинная история народов Востока. «Народы Азии и Африки», 1972, № 5; К. Кукушкин. Великоханьские шовинисты — враги мирового прогресса. «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3; его же. Апология пекинского гегемонизма. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1; Г. Астафьев, А. Нарочницкий. Лжеистория на службе великодержавных замыслов Пекина. «Новая и новейшая история», 1973, № 1.

¹² «Жэньминь жибао», 9.IV.1972, стр. 2.

¹³ «Хунци», 1972, № 11, стр. 71.

унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм» и т. д. и т. п. Ши Цзюнь настойчиво проводит также тезис о том, что «народ нашей страны» (то есть Китая.— С. Т.) имеет общую историческую судьбу с угнетенными нациями и угнетенными народами Азии, Африки и Латинской Америки, что они являются «товарищами по оружию», что «китайские рабочие вместе с трудовым народом Америки и африканскими неграми, плечом к плечу вступив в борьбу, стали оказывать сопротивление западным колонизаторам», что «Китай и абсолютное большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки принадлежат к третьему миру»; все эти декларативные заявления преследуют цель добиться признания за Китаем роли «естественного лидера» стран «третьего мира», который Пекин рассматривает в качестве первоочередной сферы гегемонии маоизма.

Особую роль во всемирной истории Ши Цзюнь отводит войнам, считая их неизбежным спутником всех революций в истории, в том числе и «мировой революции», которая становится у него зашифрованным выражением идеи китайской гегемонии. Современную обстановку в мире он характеризует как «хаос», как «большие беспорядки в Поднебесной» — понятиями, заимствованными из феодальной китайской историографии. По мнению Ши Цзюня, «хаос в Поднебесной», «бурные пертурбации в мировой обстановке являются вполне нормальным явлением великой революционной эпохи и соответствуют объективным законам исторического развития», а «новый мир социализма (читай: маоизма.— С. Т.) в ходе этих беспорядков идет к своей победе». Таким путем Ши Цзюнь пытается подвести «историческую базу» под маоистскую концепцию мирового развития, в основе которой лежит признание войн и мировых конфликтов в качестве основного стимулятора и ускорителя революционного процесса. Наряду с мировым социализмом Ши Цзюнь в своей схеме мирового революционного процесса «не замечает» и рабочего класса промышленно развитых стран, международного коммунистического и рабочего движения.

Статьи Ши Цзюня проникнуты расистским, высокомерным и пренебрежительным отношением к народам Европы, за которыми Ши Цзюнь не признает каких-либо заслуг в общеисторическом прогрессе. Согласно версии Ши Цзюня, западные страны не только не внесли какого-либо существенного вклада в поступательное движение истории, но всегда выступали носителями агрессии и разрушения, в то время как страны Азии, Африки и Латинской Америки до их колониального порабощения странами Запада в течение многих веков и тысячелетий были якобы единственными носителями культуры и прогресса. При этом Ши Цзюнь умалчивает о наличии внутренних реакционных сил в странах Востока. Статьи Ши Цзюня содержат сплошное восхваление доколониального прошлого стран Востока, их феодальных порядков. Говоря о возникновении и росте Британской империи, экспансионизме царской России и других западных держав, Ши Цзюнь почему-то ни словом не упоминает о таких агрессивных феодальных империях, как Ханьская, Танская или Цинская, неоднократно совершавших военные нападения на соседние страны и народы, как Оттоманская, Монгольская, Каджарская и др. или возникшая в конце XIX в. империалистическая Японская империя, поработившая Тайвань, Корею, Маньчжурию, Северный и Восточный Китай и оккупировавшая страны Юго-Восточной Азии. Все события новой и новейшей истории рассматриваются Ши Цзюнем как отражение междоусобной борьбы западных держав за гегемонию на суше и на море; современная международная обстановка характеризуется им как столкновение двух «сверхдержав» — США и СССР, которые, по его словам, «неизбежно подпадут под действие законов империализма и пойдут по пути гегемонизма»¹⁴.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 9.IV.1972.

Каково происхождение термина «гегемонизм», который Мао Цзэ-дун и другие китайские руководители, Ши Цзюнь и вся китайская официальная пропаганда постоянно включают в набор бранных эпитетов, употребляемых главным образом по адресу Советского Союза? Почему Мао Цзэ-дун в своих очередных указаниях, процитированных Чжоу Энь-лаем в отчетном докладе ЦК КПК X съезду КПК 24 августа 1973 г., о том, что китайскому народу следует «готовиться к войне», «рыть глубокие бомбоубежища», «запасать зерно», в то же время заявляет, что Китаю «никогда не следует претендовать на гегемонию»¹⁵?

Термин «гегемония», «гегемон» — «ба» возник в Китае еще в VII в. до н. э. и применялся для характеристики формы государственных отношений между отдельными царствами, которые сложились после упадка наследственной власти чжоуских царей — ванов. Период с VII до V в. до н. э. (точнее, до 403 г. до н. э. — условной даты начала эпохи «борющихся царств» — «Чжаньго») официальной китайской феодальной историографией именуется «периодом правления пяти гегемонов» (царства Ци, Цзинь, Чу, У и Юэ). Звание «гегемона» в тот период поочередно имела та страна, которая чаще и успешнее других воевала. Власть государства-«гегемона» отстаивалась в непрерывных войнах. Все государства-«гегемоны» были преимущественно инокультурными, с точки зрения поздней китайской традиции, «внешние» по отношению к плотно связанной между собой группе государств среднего течения Хуанхэ, наследников чжоуской государственности и политической традиции. Именно наличие смешанного этнического состава в сочетании с большой экономической и военной мощью приводило одно окраинное государство за другим в ряды «гегемонов». Более поздняя китайская традиция словом «ба» — «гегемон» стала обозначать государство, военным путем достигшее признаваемого всеми преобладания. В официальной конфуцианской интерпретации управлению государством посредством узурпации власти — «бадао» — «пути узурпаторов-гегемонов» обычно противопоставлялся путь «справедливого», законного управления — «вандао» — «царский путь»¹⁶.

Сегодняшние же руководители КНР обвиняют Советский Союз в стремлении к гегемонии в мире и в противоборстве в этих усилиях с США! Использование маоистами древнекитайского термина для характеристики процессов, происходящих в современном мире, — еще одно свидетельство «китаецентризма» их мышления, притязаний на то, что их путь — единственно правильный, «справедливый». Весьма знаменательным является тот факт, что ни Ши Цзюнь, ни кто-либо из китайских историков не ответил на обстоятельную критику четырех статей Ши Цзюня, которую дали советские ученые.

В № 5 за 1973 г. «Хунци» опубликовал (а вслед за тем все китайские газеты перепечатали) другую установочную статью, на этот раз посвященную проблемам изучения новой истории Китая — некоего Ши Биня, озаглавленную «Исторический опыт заслуживает внимания. Поговорим немного о чтении новой истории Китая». Основное назначение статьи — утверждение маоистских схем и догм в области новой и новейшей истории Китая, раздувание великоханьского шовинизма и ксенофобии, показ Советского Союза, как и дореволюционной России, в качестве традиционного главного врага Китая в новое и новейшее время, попытка дискредитации трудов советских историков, занимающихся изучением новой и новейшей истории Китая. Автор статьи в соответствии с маоистской схемой считает начальным событием новой истории Китая

¹⁵ «X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая» (Документы). Пекин. 1973, стр. 32.

¹⁶ Д. В. Деопик. Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю». Тезисы и доклады пятой научной конференции «Общество и государство в Китае». Т. I. М. 1974.

первую опиумную войну 1840—1842 гг., а «самым основным противоречием» китайского общества нового времени — «противоречие между империализмом и китайской нацией». Изучение истории Китая, по Ши Биню, оказывается необходимо лишь «для правильного осмысления революционной линии председателя Мао, распознавания, что является правильной линией, а что ошибочной», для того «чтобы защитить революционную линию председателя Мао». В статье содержатся резкие выпады против книг советских историков-китаеведов «Новая история Китая» (М. 1972) и «Новейшая история Китая» (М. 1972). Ши Бинь обвиняет авторов этих книг в том, что они «пытаются отрицать ряд научных положений председателя Мао о новой истории, а отсюда отрицают марксистскую линию, определенную для китайской революции председателем Мао».

В работе Ши Биня, однако, отсутствует какой-либо доказательный разбор указанных книг и приписываемых их авторам «ошибок»¹⁷. Вслед за Мао Цзэ-дуном Ши Бинь игнорирует различие между домонополистическим капитализмом и его империалистической стадией, преувеличивает революционные потенции китайского крестьянства. Он утверждает, что тайпины «не спасовали перед лицом главного врага китайского народа — империализма», хотя и «не разглядели сущности империализма», игнорируя тот факт, что период 1850—1864 годов относится к эпохе домонополистического капитализма. Ши Бинь в своей статье создает превратное представление о характере и масштабах выступлений против английских колонизаторов в местечке Саньюаньли, близ Гуанчжоу, в период опиумной войны, замалчивает тот общеизвестный факт, что борьбу против англичан возглавили здесь патриотически настроенные представители ученого сословия китайских помещиков — шэньши¹⁸ и что эти события не помешали Англии одержать победу над Цинским Китаем и вынудить его подписать неравноправный Нанкинский договор 1842 года.

Целям воспитания молодежи в духе великоханьского шовинизма служит и серия из 9 брошюр, выпущенная в 1973 г. шанхайским издательством «Жэньминь чубань шэ» под общим названием «Избранные

¹⁷ Злобная реакция маоистских идеологов на эти фундаментальные исследования показывает, что их прежде всего явно не устраивает тот факт, что эти книги разоблачают несостоятельность маоистских концепций в области новой и новейшей истории Китая, что они написаны с позиций пролетарского интернационализма и дружбы между народами Советского Союза и Китая, что в них убедительно показана роль интернациональных связей КПК для победы китайской революции, роль КПСС и Советского государства в достижении успехов в научно-техническом, экономическом и культурном строительстве КНР. Маоистов серьезно беспокоит, что факты и документы, приведенные в этих книгах, развенчивают миф о непогрешимости Мао Цзэ-дуна, раскрывают его истинное лицо, отрицательное воздействие многих его установок на ход событий в Китае в прошлом и настоящем.

¹⁸ О выступлении в Саньюаньли см.: А. С. Ипатова. Шэсюэ и их роль в патриотической борьбе в Гуандуне в 1841—1849 гг. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопросы истории и экономики». М. 1970. Тема патриотической борьбы населения Гуандуна и вооруженного выступления против английских интервентов 30—31 мая 1841 г. в Саньюаньли стала активно использоваться в 60-х годах маоистской пропагандой для «доказательства» правильности установок Мао Цзэ-дуна по вопросам народных войн, роли крестьянского ополчения и т. д. и т. п. В 1972 г. в Пекине вышла популярная брошюра Цзунь Хуа-ши «Опиумная война», трактующая события в Саньюаньли как символ мужества, героизма и непобедимости китайского народа (крестьянства), сумевшего примитивным оружием одолеть хорошо вооруженного врага — империализм. В брошюре прославляются народные средства войны, революционная роль китайского крестьянства. О том, что во главе всего патриотического движения стояли шэньши и что события в Саньюаньли не помешали англичанам выиграть войну, автор, естественно, умалчивает. Цзунь Хуа-ши, следуя установке о раздувании антирусских настроений, вопреки фактам утверждает в своей брошюре, что царская Россия в 40-х годах XIX в. проводила в отношении Китая политику, аналогичную политике Англии, развязавшей опиумную войну. Брошюра преследует цель всемерного раздувания великоханьского шовинизма.

книги по новой истории Китая» («Опиумная война», «Революция Небесного государства тайпинов», «Вторая опиумная война», «Китайско-французская война», «Китайско-японская война 1894 года», «Реформы 1898 года», «Движение Ихэтуань», «Синьхайская революция» и «Бэйянские милитаристы»). Как писал в статье «Поток истории не удержать» некий Ван Дэн в «Гуанмин жибао» 22 октября 1973 г., приветствуя выход в свет указанной серии брошюр, «издание таких брошюр помогает рабочим, крестьянам, солдатам, особенно молодежи, ...повысить сознательность в деле претворения в жизнь революционной пролетарской линии председателя Мао». Ван Дэн видит особую заслугу упомянутой серии брошюр в показе того, что «в истории злодейской империалистической агрессии против Китая методы царской России были особенно коварными и вредными». Ван Дэн в извращенном виде представляет историю русско-китайских отношений 40-х и 60-х годов XIX в. и повторяет в своей рецензии бредовые претензии авторов указанных брошюр на советские земли «к востоку и к югу от исторически принадлежащего Китаю озера Балхаш» и на Советский Дальний Восток, не скупится на грубую брань в адрес Советского Союза, обвиняя его в еще большей агрессивности по сравнению с царской Россией и в посягательствах на территорию КНР, а советских историков в «оправдании злодеяний старших царей!» Вот какого рода «историческую литературу», возбуждающую шовинистические, великоханьские притязания на земли своих соседей, заменяющую классовый подход к рассмотрению исторических событий националистическим, маоисты усиленно рекомендуют читать подрастающему поколению Китая!

Серия программных статей в центральных органах пекинской пропаганды по проблемам всемирной истории и истории Китая в новое и новейшее время, возобновление выпуска работ на исторические темы с проповедью великоханьского гегемонизма и с открыто антисоветским уклоном свидетельствуют о том, что защита и пропаганда маоистской схемы истории Китая, особенно периода новой и новейшей истории, стали одним из важных направлений идейно-политической борьбы Пекина внутри страны и на международной арене. Главная цель китайского руководства остается прежней — представить «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве универсального учения о всемирно-историческом процессе, «обосновать» ведущую роль Китая в мировом революционном процессе на современном этапе.

Натолкнувшись на решительный отпор международного коммунистического движения попыткам лобового навязывания тезиса об «идеях Мао Цзэ-дуна» как высшем этапе развития марксизма-ленинизма, маоисты пытаются в последнее время реализовать эту установку другими средствами, среди которых важнейшее место занимает пропаганда маоистских схем всемирной истории, новой и новейшей истории Китая. Отбрасывая марксистско-ленинскую периодизацию всемирной истории в новое и новейшее время, такие ее вехи, как Французская буржуазная революция 1789 г., Парижская коммуна и, наконец, Великая Октябрьская социалистическая революция, маоистские идеологи пытаются «доказать», что «подлинным началом» эпохи крупнейших революционных изменений в мире являются события середины XIX в. в Китае, то есть самые первые шаги освободительной борьбы китайского народа против колонизаторов. Этот рубеж выбран с тем, чтобы «доказать», что одновременно с возникновением в середине XIX в. в капиталистической Европе марксистской теории всемирного исторического процесса в Китае складывались условия для возникновения «особой», «самобытной» концепции освободительной борьбы, то есть объективные предпосылки для возникновения «китаизированного марксизма» — «идей Мао Цзэ-дуна».

В августе 1973 г. маоистское руководство созвало X съезд КПК для того, чтобы задним числом оправдать необходимость проведения «культурной революции», свалив одновременно ответственность за все ее эксцессы, за избиение кадров коммунистов, за дезорганизацию политической, экономической и культурной жизни страны на «группировку Линь Бяо — Чэнь Бо-да». Маоисты использовали съезд также и для раздувания злобного антисоветизма, нелепых утверждений о том, что Советский Союз ратует за «превращение Китая в свою колонию», только и мечтает о том, чтобы «поглотить столь лакомый кусочек, как Китай», требует, чтобы Китай «отдал ему всю свою территорию к северу от Великой стены», «готовит нападение на Китай», и прочих небылиц, пытаясь таким путем «обосновать» свою политику безудержной милитаризации всей страны, подготовки к войне и сохранения своего военно-бюрократического режима. Внешнеполитические акции маоистского руководства последних двух лет и опубликованные в КНР после X съезда КПК статьи и материалы на исторические темы наглядно свидетельствуют о том, что содержащиеся в докладе Ван Хун-вэня на X съезде КПК «Об изменениях в Уставе партии» заверения в том, что Китай должен «при любых обстоятельствах придерживаться принципа «никогда не претендовать на гегемонию» и не быть сверхдержавой»¹⁹ — носили отвлекающий характер, а их главные цели продолжают оставаться неизменными.

Активная миролюбивая внешняя политика Советского Союза, его последовательная борьба за разрядку напряженности в международных отношениях, усилия КПСС и Советского правительства, направленные к тому, чтобы сделать процесс разрядки необратимым, — все это выбивает почву из-под ног маоистов, которые все свои расчеты строят на неизбежности «колоссальных потрясений на Земле», новой мировой войны. Поэтому политика искусственного насаждения в Китае и за его пределами вражды к Советскому Союзу, к его миролюбивой политике, ко всему социалистическому содружеству в целом стала у нынешних китайских руководителей органической, составной частью их великодержавных, гегемонистских планов.

В 1974 г. пекинское руководство развернуло очередную политическую кампанию по «критике Линь Бяо и Конфуция», в которую широко были вовлечены и китайские историки. В ходе этой кампании они должны были искать исторические «оправдания» эксцессам «культурной революции», культу личности Мао Цзэ-дуна и поставлять исторические «факты» для подкрепления мессианской маоистской версии «национальной судьбы» Китая, для раздувания в стране вражды к Советскому Союзу и обоснования притязаний маоистов на мировое лидерство.

В советской печати уже был дан подробный анализ сущности исторических аргументов, использованных в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»²⁰. Под предлогом реализации маоистской установки — «использовать древность на службе современности» была, по существу, перечеркнута прежняя маоистская установка — «делать упор на современность и меньше писать о древности». Вся китайская пресса в 1973—1974 гг. была заполнена статьями на темы древней и средневековой истории Китая, в которых восхвалялись императоры и государственные деятели — последователи философского и политического направ-

¹⁹ «X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая» (Документы), стр. 61.

²⁰ Р. В. Вяткин. Некоторые вопросы истории общества и культуры Китая и кампания «критики Конфуция» в КНР. «Народы Азии и Африки», 1974, № 4; Л. С. Переломов. О политической кампании «критика Конфуция и Линь Бяо». «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3; его же. Мао, левисты и конфуцианцы. «Вопросы истории», 1975, № 3.

ления легистов («законников») и поносились политики и философы-конфуцианцы. Характерно, что при этом авторами статей полностью игнорировался тот факт, что и конфуцианство и легизм были идеалистическими философскими и идейно-политическими школами, обслуживавшими нужды правящего феодального класса, что у легистов пренебрежение к трудящимся массам, игнорирование их справедливых жизненных требований носило подчас более откровенный и циничный характер, чем у конфуцианцев (признание необходимости всемерного «оболванивания народа», отказ от распространения образования, апологетика войн и насилия и т. д. и т. п.).

Вся эта шумиха вокруг истории междоусобной борьбы конфуцианцев и легистов понадобилась Мао Цзэ-дуну не только для оправдания расправы со своими политическими противниками (Линь Бяо, которого на IX съезде КПК в 1969 г. Мао Цзэ-дун официально провозгласил своим преемником, теперь стал рассматриваться как последователь конфуцианства), но и для пересмотра с великоханьских позиций всего прошлого Китая, утверждения новой великодержавной интерпретации истории Китая и всего человечества в сознании молодого поколения китайцев. Китайская молодежь уже с начала 60-х годов стала воспитываться в духе пренебрежения ко всему иностранному (в первую очередь советскому), идеализированной трактовки завоевательной политики древнего и средневекового Китая, «классичности» всего китайского, а с 1966 г. на 6 лет была начисто лишена какого-либо исторического образования и была вынуждена все сведения по истории своей страны и мира черпать лишь из сочинений «великого кормчего» и хунвэйбиновских «дацзыбао» и листовок.

Среди потока статей, к месту или не к месту носящих Линь Бяо и Конфуция, возвеличивающих внутривнутриполитические деяния Цинь Шихуана и оправдывающих его политику жесточайших репрессий и террора, восхваляющих сторонников легизма и т. п., с весны 1974 г. все громче звучат голоса откровенных трубадуров агрессивной внешней политики КНР, умышленно поднимающих на щит того же Цинь Шихуана, а также ханьского императора Уди (156—87 гг. до н. э.; годы правления 140—87 гг. до н. э.) и др. Идеализация территориальной экспансии Китая в годы царствования этих правителей имеет открытую антисоветскую и антимонгольскую направленность, содержит прямой призыв к войне с СССР и МНР и подспудную враждебность в отношении соседних с КНР Кореи и Вьетнама, поскольку в те годы китайские войска захватывали и на длительное время оккупировали также территории этих стран. Еще в 1972 г. в брошюре Хун Ши-ди о Цинь Шихуане воспевалась его завоевательная политика, а созданная им империя объявлялась «многонациональным единым государством, являвшимся выражением общих чаяний различных национальностей нашей родины в ту отдаленную эпоху»²¹.

В мае 1974 г. «Жэньминь жибао» начала кампанию по обвинению конфуцианцев в период Западной Ханьской династии в стремлении капитулировать перед северными соседями Китая — сюнну (гуннами), проводя прямую аналогию между древними конфуцианцами и Линь Бяо, который-де ратовал за капитуляцию Китая перед его северным соседом — Советским Союзом. Появление такого рода статей при всем том, что они проводят вульгарные, антиисторические параллели с современностью, свидетельствует тем не менее о наличии оппозиционных антисоветской маоистской внешней политике сил внутри КНР. Это именно о них, а не о конфуцианцах III в. до н. э., пишет «Жэньминь жибао» от 18 мая 1974 г.: «Конфуцианцы нападали на войну сопротив-

²¹ Хун Ши-ди. Цинь Шихуан. Шанхай. 1972, стр. 67.

ления сюнну, называя это отказом от принципов добродетели и решением проблем военным путем. Они говорили, что нет коренных причин для столкновения, и во всем обвиняли нескольких влиятельных придворных, которые настраивают императора на войну, утверждая, что она неизбежна. Они вопили, что война сопротивления губельна для государства, для нас бесполезны земли на границе, большая армия ложится невосполнимым бременем на народ. Они предлагали отозвать войска и прекратить столкновения на границе. Конфуцианцы утверждали, что между двумя великими государствами должно быть согласие, и предлагали уничтожить оборонительные сооружения на границе и начать переговоры с сюнну на основе взаимовыгодных условий. Кроме того, они хотели заключить реакционный политический союз с сюнну-агрессорами».

Еще более «модернизируя» историю отношений Китая с сюнну в III в. до н. э. и недвусмысленно намекая на ведущиеся в настоящее время между КНР и СССР переговоры по пограничным вопросам, «Гуанмин жибао», в свою очередь, писала 28 июня 1974 г.: «Конфуцианцы предлагали проявить добрую волю в отношении сюнну и проводить политику, направленную на достижение мирного соглашения с ними. Они предлагали отказаться от военных действий и перейти к обмену посланиями, в которых заявить об отказе от применения силы» (подчеркнуто нами.— С. Т.), в то время как легисты «решительно выступали за усиление подготовки к войне, подготовки к нанесению удара по сюнну, ратовали за то, чтобы «войной уничтожить войну». Одновременно печать КНР восхваляет действия против сюнну Сан Хун-яна, сановника ханьского императора Уди, который-де заявил, что «с этими злыми врагами решительно не может быть никаких договоров, с ними можно только вести антиагрессивную войну до их поражения», «призывал войной добиться почтительности сюнну» и говорил, что «невозможно ослабить сюнну, пока не справишься с тем, что ослабляет нас изнутри»²².

Другой личностью, безмерно восхваляемой маоистами, является военный стратег Западной Ханьской династии Чао Цо, который, по словам китайских газет, «призывал дать отпор сюнну». Он предлагал «вести активную подготовку к войне», «побольше запастись зерна», «воспитывать и обучать солдат вести работу по строительству и укреплению границ», «переселить народ для укрепления северных рубежей». Он считал необходимым вести активную подготовку к войне, чтобы «войной избавиться от войны»²³. Вот уж действительно выдающаяся личность, за два тысячелетия до Мао Цзэ-дуна предвосхитившая его «новейшие» указания! О том, что возвеличивание Чао Цо и его идей в КНР носит организованный характер, свидетельствует большое количество посвящаемых ему статей в центральной печати, которые пишутся сплошь и рядом от имени людей, не обладающих специальной исторической или даже достаточной общеобразовательной подготовкой; в этих статьях в «прикладном» плане комментируются те или иные моменты соответствующих «установочных» статей. Так, например, «теоретическая группа» шестой роты Н-ской части войск Пекинского гарнизона в статье «Создавать заставы, готовиться к войне, отражать нашествие», опубликованной в «Жэньминь жибао» от 16 февраля 1975 г., рассуждает о взглядах и военных идеях Чао Цо, подчеркивая, что эти идеи «помогают также и в дальнейшем усилении подготовки к войне, борьбе против подрывной деятельности и агрессии со стороны империализма и социалимпериализма».

Обращает на себя внимание и явная противоречивость в статьях,

²² Тянь Кай. Идеи легиста Чао Цо в области стратегии. «Жэньминь жибао», 21.XI.1974; «Жэньминь жибао», 18.V.1974, «Гуанмин жибао», 28.VI.1974.

²³ «Жэньминь жибао», 8.X.1974, 16.II.1975; «Гуанмин жибао», 27.XII.1974.

посвященных борьбе с сюнну в III—II вв. до н. э. Так, в «Хунци» Лян Сяо, выступающий в защиту политики императора Уди, направленной против сюнну, характеризует войны с сюнну как «справедливые войны против захватчиков», которые, «алчно пуская слюни длинной в 3 чи, зарились на Западную Хань, как на кусок отборного мяса»²⁴. Тянь Кай же в «Жэньминь жибао» в угоду великодержавной теории извечно «многонационального Китая» утверждает, что сюнну — это вовсе не внешние враги; «Китай — многонациональное государство», а «сюнну исторически были одной из народностей Китая»²⁵.

Столь широкое и навязчивое использование на страницах периодической печати КНР сюжетов из древней и средневековой истории не может не вызвать законного вопроса о том, является ли это свидетельством стремления маоистов использовать историческую науку в неблагоприятных целях политической борьбы с противниками. Ведь нельзя, например, всерьез воспринимать призывы «Жэньминь жибао», обнародованные в номере от 26 ноября 1974 г., обращенные к слушателям так называемых «школ 7 мая» (своеобразных трудовых лагерей, созданных с целью идеологического «перевоспитания» кадровых работников), об изучении материалов глубокой древности, написанных архаичным, недоступным для современного читателя языком, чтобы «взять на вооружение» ряд положений легистов и использовать их «в интересах современной классовой борьбы», или призыв той же газеты от 2 декабря 1974 г. изучать опыт истории после смерти Цинь Шихуана, когда «представители реставрации рабовладельческих сил изменили легистской линии Цинь Шихуана, стали конфуцианцами и способствовали гибели династии Цинь»!

В середине декабря 1974 г. в Пекине поступил в продажу № 1 журнала «Лиши яньцзю» — «Исторические исследования» за 1974 год²⁶. Возобновление после почти 8-летнего перерыва, вызванного мрачными событиями «культурной революции», выхода главного научного журнала китайских историков можно было только приветствовать, если бы на страницах этого журнала маоисты не выплеснули очередную порцию безудержного антисоветизма и махрового великоханьского гегемонизма. В этом номере журнала помещены подряд 3 статьи: «Отповедь клеветникам (относительно некоторых вопросов китайско-советской границы)», «Первопроходцы» или вторгшиеся в Китай грабители?» и «Исторические доказательства (исследование надписи на стеле в кумирне Юннинсы в Нургани при династии Мин)». Авторы этих статей — Ши Юй-синь, Тань Ци-кан и Тянь Жо-кан, а также Чжун Минь-янь задались целью извратить историю русско-китайских и советско-китайских отношений, попытаться исторически «обосновать» абсурдные территориальные притязания маоистов на земли Советского Дальнего Востока и Средней Азии. Все три статьи пропитаны духом великоханьского высокомерия, пренебрежения к другим народам, а первая к тому же от начала до конца напичкана грубыми ругательствами, заимствованными из лексикона хунвэйбинов периода пресловутой «культурной революции», и антисоветскими домыслами.

Автор статьи «Отповедь клеветникам (относительно некоторых

²⁴ Лян Сяо. Читая «Дискуссию о соли и железе» — большой полемике между легистами и конфуцианцами в середине периода Западной Хань. «Хунци», 1974, № 5, стр. 16.

²⁵ «Жэньминь жибао», 21.XI.1974.

²⁶ Характерно, что журнал поступил в продажу примерно за неделю до официальной даты своего выпуска — 20 декабря 1974 г., обозначенной на стр. 2 журнала. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что № 1 журнала с периодичностью 6 номеров в год вышел в декабре, то есть в самом конце года.

вопросов китайско-советской границы)» скрылся под псевдонимом Ши Юй-синь (что означает дословно «Историк, обновляющий Вселенную»). Судя по всему, статью, как это теперь принято в Китае, писал большой коллектив авторов²⁷. По своей форме и содержанию она во многом совпадает с известным «Документом МИД КНР» от 8 октября 1969 г., развивая на историческом «материале» сформулированный в нем тезис о том, что «еще более двух тысяч лет тому назад Китай стал уже единым многонациональным государством. И Китай всегда как многонациональное государство существовал в мире независимо от того, как сменялись одна за другой феодальные династии и какая национальность была правящей в стране»²⁸. В начале статьи Ши Юй-синь обвиняет советских ученых в оправдании «захватов царской Россией китайской территории» на Дальнем Востоке, в бассейне Амура и Уссури и в Средней Азии — «к востоку и югу от озера Балхаш», а также в том, что они будто «создают общественное мнение на потребу новым территориальным притязаниям Советского Союза к Китаю и раздувают антикитайскую истерию» (стр. 113). После такого рода преамбулы Ши Юй-синь переходит к изложению «исторических доказательств» принадлежности Китаю вышеназванных территорий. Не задаваясь целью детального разбора каждой из тем этой тенденциозной статьи, остановимся лишь на ее положениях, которые свидетельствуют о великоханьских, гегемонистских концепциях автора.

Основной постулат Ши Юй-синя заключается в том, что все земли, на которые когда-либо в ходе более чем двухтысячелетней истории, во времена рабовладельческих или феодальных династий в Китае, в ходе завоевательных войн и набегов вступали китайские войска, по праву и сегодня должны считаться принадлежащими КНР, а проживавшие на этих землях народы в различные исторические периоды, на тот или иной срок насильственно включавшиеся в состав Ханьской, Танской, Юаньской (монгольской) или Цинской (маньчжурской) империй, должны считаться китайскими. Такой великоханьский, гегемонистский подход не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, грубейшим образом нарушает коренное положение исторической науки относительно неуклонного соблюдения принципа историзма при рассмотрении тех или иных явлений общественной жизни. Ведь если принять этот постулат «обновителя Вселенной», то выходит, что итальянские фашисты имели «основания» провозгласить себя наследниками античной Римской империи и в силу этого претендовать на территории Англии, Франции, Бельгии, Германии, Испании, Португалии, ряда балканских стран, независимых государств Северной Африки, стран Ближнего Востока. До каких нелепиц можно договориться, если на основе вышеуказанного маоистского постулата пытаться, напрочь отбрасывая принцип историзма, требовать сегодня восстановления былых границ таких некогда могущественных империй, как империи Дария, Александра Македонского, Чингисхана, Великих Моголов, Османов, Габсбургов и т. д. и т. п., а великое множество народов, народностей и племен, когда-то проживавших в пределах этих империй, произвольно называть иранцами, греками, монголами, узбеками, турками или австрийцами!

Но «обновитель Вселенной», претендующий на монопольное толкование истории и поучающий в своей статье всех и вся, почему-то не задумывается над тем, сколь комично звучат его доводы в пользу «исконной принадлежности» Китаю дальневосточных и среднеазиатских земель Советского Союза только на том основании, что при Ханьской ди-

²⁷ Ссылки на № 1 журнала «Лиши яньцзю» даются далее в тексте статьи.

²⁸ «Документ МИД КНР» от 8 октября 1969 г. был опубликован в «Жэньминь жибао» 9 октября 1969 г. и издан в виде отдельной брошюры на китайском и иностранных языках. В начале 1974 г. в связи с новой антисоветской волной он был переиздан еще раз в виде отдельной брошюры.

настии, в 60 г. до н. э., было создано кратковременное наместничество «Западного края», награждавшее отдельных правителей и вождей народов и племен, возможно, проживавших две тысячи лет тому назад на части территории нынешних советских среднеазиатских республик, различными пышными, но чисто символическими китайскими аристократическими титулами, или на том основании, что в первой половине VIII в. империя Тан вела завоевательные войны с народами шивэй и мохэ, проживавшими в бассейне Амура, и создала специальные административные органы для управления захваченными землями и сношений с вождями туземных племен (стр. 114, 119). Известно, что Юлий Цезарь и его легионы создавали на завоеванных римлянами Британских островах, галльских и германских землях свои военно-административные органы, но разве на основании этих фактов можно ставить вопрос о государственной принадлежности современной Италии тех или иных европейских территорий?

В опубликованных в Советском Союзе работах по всеобщей истории, истории СССР и Китая достаточно подробно и объективно освещены факты кратковременного пребывания войск Ханьской империи в «Западном крае» (так называемая Сиюй, территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) во II—I вв. до н. э. и затем вновь, после перерыва, длившегося 7 столетий, в VII в. н. э., войск китайской династии Тан. Широко известен также тот факт, что в 751 г. на р. Талас, близ современного города Джамбула, произошла битва между арабскими и китайскими войсками, но в то же время не менее известно и то, что в течение последующих 10 веков ни китайских войск, ни китайской администрации, ни китайского населения западнее Великой Китайской стены (современная провинция Ганьсу) не было. Лишь в середине XVIII в. при маньчжурской династии Цин маньчжуро-китайские феодалы в результате кровавой захватнической войны с независимым Джунгарским ханством захватили районы Джунгарии и Восточного Туркестана и, опираясь на свои воинские гарнизоны, стали беспощадно угнетать коренное население «Новой территории» («Синьцзян»), как они стали официально именовать завоеванный край. Местное население «Новой территории» — уйгуры, дунгане, монголы, казахи, киргизы, таранчи, таджики и др. — неоднократно восставали против захватчиков, а в 60—70-х годах XIX в. на время изгнали их из Восточного Туркестана и частично из Джунгарии. Лишь подавляющее численное превосходство цинских войск позволило им в ходе длительных военных действий восстановить к 80-м годам XIX в. свое колониальное владычество над «Новой территорией».

Ши Юй-синь умалчивает в своей статье о том, что пребывание китайских войск в Восточном Туркестане и Джунгарии при Ханьской и Танской династиях носило кратковременный характер и в длительные промежутки между периодами военной оккупации (с I по VII вв. и с VIII по XVIII вв.) на этих территориях сменялись многочисленные этнические группы некитайского происхождения, многие из которых имели свои государственные образования. Говоря же о третьем завоевании Восточного Туркестана и Джунгарии маньчжуро-китайскими феодалами в середине XVIII в., Ши Юй-синь одним росчерком пера объявляет факт существования на этой территории независимого Джунгарского ханства ойратов «несусветным вздором». По его словам «ойраты были ветвью одного из народов нашей страны — монголов», получали аристократические титулы от императоров Минской, а затем от императоров сменявшей ее Цинской династии. «В 1677 г. вождь джунгарских монголов — ойратов Галдан провозгласил себя ханом и стал самостийничать. После этого джунгарские вожди то покорялись цинскому правительству, то изменяли ему и непрерывно занимались расколом родины. В 1755 г. династия Цин усмирила мятеж в Джунгарии. Это было внутреннее дело

Китая, а вовсе не завоевание одного государства другим» (стр. 120). Вот так «обновитель Вселенной» объявил несуществовавшим монгольско-ойратское Джунгарское ханство, сложившееся в 30-х годах XVII в. и сыгравшее в свое время крупную роль в международных отношениях в Средней, Центральной и Восточной Азии²⁹.

С исключительной жестокостью расправились цинские войска с жителями Джунгарского ханства; в результате массового истребления мирного населения от народа, численность которого составляла не менее 600 тыс. человек, осталось в живых каких-то 30—40 тыс., спасшихся бегством в Россию³⁰. Ши Юй-синь не стал утруждать себя поисками какой-либо мало-мальски убедительной аргументации для попытки оправдания агрессивных действий маньчжурского богдыхана Цяньлуна против суверенного государства Центральной Азии — Джунгарского ханства. Вместо этого он почти дословно повторил содержащееся в «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г. утверждение, что «усмирение Цинской династией Джунгарии относилось к внутренним вопросам Китая»³¹.

Значительная часть статьи Ши Юй-синя посвящена попыткам «доказать», что коренное население Дальнего Востока и Приморья всегда считало себя китайцами. С той же легкостью, с которой Ши Юй-синь объявил ойратов «ветвью одного из народов нашей страны», он нарекает китайцами не только маньчжуров, но и народы Дальнего Востока — шивэй и мохэ — далеких предков современных эвенков, нанайцев, маньчжуров, гольдов, нивхов, орочей и других. Обрушивая на советских историков потоки яростной брани за то, что они смеют утверждать, что «маньчжуры не были китайцами, а Цинская династия была иностранным господством над Китаем», он вновь прибегает к геополитическим манипуляциям, заявляя, что «всеми известно», что «маньчжуры являются одной из народностей, живущих в Китае», и что то, что «маньчжуры — одна из китайских народностей, а оба берега реки Амур являются китайской территорией», засвидетельствовано-де не кем иным, как К. Марксом в его статье «Русская торговля в Китае», написанной в 1857 году (стр. 115).

Рассмотрим сперва, что представляют собой в этническом отношении маньчжуры и их предки, а потом вернемся к поднятому Ши Юй-синем вопросу о высказываниях К. Маркса относительно Цинской империи середины XIX века.

К началу нашей эры территория современной Маньчжурии была заселена прото-тунгусскими племенами мохэ. В VII в. они объединились в племенной союз во главе с Мофо Маньду. Отрядами из нескольких тысяч воинов мохэ нападали на соседей и нередко участвовали в войнах между Китаем и корейским государством Когурё. Вожди мохэ получали чины и награды как от правителей Китая, так и Когурё. Например, известно, что 50 тыс. мохэ помогали Когурё в 654 г. отражать нападение

²⁹ О джунгарах см. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М. 1964; см. также Б. П. Гуревич. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. «Вопросы истории», 1974, № 9; В. А. Моисеев. К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства. «Тезисы и доклады 6-й научной конференции «Общество и государство в Китае». Т. I. М. 1975.

³⁰ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 462.

³¹ «Жэньминь жибао», 9.X.1969. В. А. Моисеев опубликовал недавно один из «листов» Лифаньюаня — Трибунала внешних сношений Цинской империи, посланных сенату России 18 июня 1763 г., в котором цинское правительство официально признавало, что до 1757 г. ойратское государство было независимым от цинского Китая соседним с ним государством, правители которого, как гласит текст листа, «вопреки здравому разуму... начали поступать надменно и необузданно», в результате чего были «усмирены» цинским императором, который затем присоединил их земли к своим владениям (В. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 177).

войск правителей империи Тан. В 698 г. у наиболее развитого из мохэ-ских племен — сумо возникло государство Чжэнь, в 712 г. переименованное в Бохай. Это раннефеодальное государство существовало по 926 год, когда было уничтожено киданями, и охватывало обширную территорию Южного Приморья, Северо-Восточную Корею и Юго-Восточную Маньчжурию. Правители Бохай поддерживали оживленные дипломатические, экономические и культурные связи с танским Китаем, сохраняя, однако, свою государственную независимость и культурную самобытность. О существовании государства Бохай Ши Юй-синь «забывает» упомянуть в своей статье; вместо этого, кичась многовековой продолжительностью истории Китая, он бездоказательно заявляет, что «более чем за столетие до основания Киевской Руси» район Приамурья был включен в состав Китая и с этого времени «управлялся правительствами ряда династий Китая» (там же).

Новая консолидация тунгусских племен после ослабления власти киданей была ускорена созданием другого феодального государства — чжурчжэней (1115—1234 гг.), распространивших свою власть на территорию Северного Китая и назвавших свою правящую династию «Цзинь» — «Золотой» (как известно, государство чжурчжэней пало под натиском монголов Чингисхана).

Сложение собственно маньчжуров в единую народность завершилось в начале XVII в. созданием Нурхаци в 1616 г. феодального государства, названного им с претензией на преемственность «Хоу Цзинь» («Позднее Цзинь»), а затем, в 1636 г., сменившего наименование на «Цин» («Чистое»). В начале XVII в. появляется общее для всего края (северная часть Ляодунского полуострова) и народа наименование «Маньчжу»³². Язык, на котором говорили маньчжуры, принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайских языков, не имея никакого сходства с китайским. Письменность маньчжурами была заимствована у монголов. Возникнув как военно-племенное объединение, государство маньчжуров развивалось и укреплялось за счет войн. Завоевав соседние племена, маньчжуры совершали непрерывные походы в более отдаленные земли, грабя живущее там население, увозя пленных на свою территорию, зачисляя всех здоровых мужчин в состав «восьмизнаменных войск». С 1618 г. маньчжуры начали регулярные нападения на пограничные китайские земли; в 1619 г. совершили первое вооруженное вторжение на территорию Кореи. Используя раздробленность Монголии и отсутствие единства действий монгольских феодалов, к 1636 г. маньчжуры сумели овладеть Южной Монголией, а после завоевания Китая, длившегося с 1644 г. почти 30 лет, маньчжуры включили в состав своей империи и Северную Монголию (Халху). Агрессивные внешнеполитические цели маньчжурской знати были сформулированы в 1633 г. на военном совете в следующих словах: «Когда наше государство свободно от насущных забот — совершать два похода в год, когда оно не свободно — то совершать один поход в год»³³. Этой же агрессивной политики маньчжуры придерживались и после завоевания ими Китая, вовлекая в нее китайскую феодальную верхушку, на классовый союз с которой опиралось их военно-политическое владычество в Китае. Цинская империя вела захватнические войны против русских поселений на Амуре, народов Джунгарского ханства, Тибета, Непала, Бирмы и Вьетнама.

³² См. А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959; А. В. Гребеншиков. Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток. 1912; Е. П. Лебедева. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII вв. «Ученые записки» ЛГПИ имени А. И. Герцена. 1957, т. 132; Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М. 1974.

³³ И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. 1974, стр. 4.

В статье Ши Юй-синя в качестве аргумента в пользу тезиса «маньчжуры и китайцы — одна семья» приводятся сообщения китайских хроник времен Танской и Минской династий о попытках насаждения китайцами среди граничащих с их владениями на севере племен системы своеобразных буферных зон — «цзими» — путем привлечения на свою сторону отдельных племенных вождей, раздачи им щедрых подарков и пышных титулов (последние сопровождались более или менее регулярной пенсией и подарками). Цель такой политики заключалась в раздувании непрерывных распри между вождями и союзами племен, что, с одной стороны, препятствовало консолидации этих племен и союзов и предотвращало их согласованные набеги на Китай, а с другой — позволяло использовать вооруженные силы этих племен для нападения на соседние с Китаем независимые государства.

Особенное распространение такая политика правителей минского Китая получила в начале XV в. в отношении предков маньчжуров — чжурчжэньских племен. Важнейшим средством политики ослабления и разобщения чжурчжэней было создание на их землях многочисленных административных округов — везв, управляемыми которых назначались местные племенные вожди, получавшие в силу этого право периодического приезда на пограничные пункты Китая для ведения меновой торговли и получения подарков, приличествующих занимаемому ими положению. Политические и экономические выгоды, которые получали чжурчжэньские вожди от взаимоотношений с Минской империей, в значительной степени способствовали популярности этой системы среди чжурчжэньских родов и племен и притоку в Китай все новых и новых «данников» с северо-востока. В XV в. Минская империя осуществляла в отношении чжурчжэньских племен серию последовательных мирных дипломатических акций, рассчитанных на освобождение этих племен из-под влияния Кореи и привлечение их к Китаю, а также их военную нейтрализацию.

Чжурчжэньские округа — вэй в соответствии с их характером и прямым назначением носили название «цзими вэй», то есть «округа связывания (сковывания) сил». Территория, занимаемая ими, никогда не считалась территорией, собственно принадлежащей Минской империи. Чжурчжэньские вожди, получавшие назначение главы округа — вэя, брали на себя обязательства определенной лояльности в отношении Китая в обмен на значительные экономические и политические преимущества, которые давали им эти отношения с Китаем.

Последние преимущества являлись для чжурчжэньских вождей, занятых постоянной междоусобицей, подчас не менее существенными, чем экономические. Подчиненное положение того или иного чжурчжэньского вождя имело чисто внешнюю форму, выражаясь в «обязанности» периодически являться к минскому двору с символической данью; учитывая, что система «дань — отдаривание» была одной из наиболее распространенных форм внешней торговли Китая и что члены чжурчжэньских посольств, привозивших «дань», помимо «отдаривания», получали щедрые подарки от минского двора, поездки начальников везв в Китай отнюдь не были обременительными для чжурчжэньских вождей. Слабость фактического влияния Минской империи на чжурчжэней проявлялась в первую очередь в том, что китайцы оставили в неприкосновенности институт местных вождей и весь внутренний уклад жизни чжурчжэньских племен, хотя и пытались, опираясь на традиционную китайскую внешнеполитическую доктрину, «использовать одних варваров для обуздания других варваров», не допуская объединения различных чжурчжэньских племен.

С целью укрепления своего авторитета среди чжурчжэней в 1409 г. минский двор предпринял так называемую экспедицию Ишиха

на Амур. Минскому посланнику Ишиха, как о том свидетельствует надпись на стеле, которая была установлена в кумирне Юннинсы, построенной по его приказу на скале Тыр на правом берегу Амура, приблизительно в 100 км от его устья, вменялось в обязанность «рассеять страхи и успокоить» местное чжурчжэньское население. Ишиха было также вменено в обязанность создать из вождей местных племен так называемый Нурганьский вэй — административное управление, ничем не отличавшееся по структуре от остальных чжурчжэньских везв. Вся полнота власти в этом вэе была оставлена в руках местных вождей, не назначались какие-либо китайские наместники, не размещался гарнизон китайских войск. Ишиха посещал Нурганьский вэй 10 раз, с 1409 по 1432 год³⁴. Экспедиции Ишиха совпали по времени с активизацией внешнеполитической и внешнеторговой деятельности минского двора в правление императора Юнлэ и посылкой в период с 1405 по 1433 г. в общей сложности семи экспедиций под командованием флотоводца Чжэн Хэ в страны Юго-Восточной и Южной Азии и к берегам Африки, в которых участвовало одновременно до 30 тыс. человек на 208 судах³⁵.

Об экспедициях Ишиха, в отличие от экспедиций Чжэн Хэ, почти не осталось исторических свидетельств. Это обстоятельство, однако, не мешает Ши Юй-синю утверждать, что «две каменные стелы, воздвигнутые в Телине минским правительством в 1413 и 1433 годах, ... свидетельствуют..., что этот район находился под юрисдикцией этой династии» и что Нурганьское управление осуществляло «надзор за проживавшими в этом районе монголами, чжурчжэнями и цзилими» (стр. 114). В то же время, даже те немногочисленные материалы об экспедициях Ишиха, которые приводятся в статье Чжун Минь-яня «Исторические доказательства», опубликованной в том же № 1 «Лиши яньцзю» за 1974 г., вслед за статьей Ши Юй-синя и преследующей ту же цель — мобилизации всех возможных исторических материалов для «обоснования» исконной принадлежности бассейна Амура Китаю, — убедительно свидетельствуют о кратковременном, эпизодическом характере китайских экспедиций в этот район. Во всех без исключения китайских источниках земли, лежащие за пределами границ Минской империи в Ляодуне (кстати, четко ограниченных укрепленной пограничной стеной), обозначались как «земли цзими», то есть не китайских «варварских» племен и народов, связанных определенными обязательствами (главным образом о ненападении) с минским Китаем.

Истолковывает же Чжун Минь-янь эти материалы, и в первую очередь факт возведения Ишиха буддийской кумирни и установки в ней стелы, — логике вопреки — как «свидетельство» того, что «минское правительство — правительство многонационального государства, а бассейн Амура — неотъемлемая часть границ Минской династии». Но тот же Чжун Минь-янь в своей статье признает, что стоило Ишиха покинуть район Телина, как местное население разрушило кумирню, причем это повторялось до 1432 г. неоднократно. Чжун Минь-янь, следуя примеру «обновителя Вселенной», в своей статье делает антисоветский выпад, утверждая, что в Советском Союзе скрывают факт существования минских надписей на Амуре, «не дают людям возможности знать их подлинное содержание!» (стр. 144, 151, 154, 157). Уместно напомнить, что сам памятник, как об этом широко известно, хранится в Приморском краеведческом музее имени В. К. Арсеньева во Владивостоке, а перевод надписи неоднократно публиковался в русской и советской научной печати. Последний, наиболее полный и точный перевод текста стелы был опубли-

³⁴ Г. В. Мелихов. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402—1413 гг.). «Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970.

³⁵ А. А. Бокщанин. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М. 1968, стр. 66.

кован Г. В. Мелиховым в 1970 г., о чем китайские националисты по вполне понятным причинам умалчивают, сознательно вводя в заблуждение своих читателей³⁶.

В своей статье Ши Юй-синь широко практикует вольное перескакивание через века и тысячелетия ради обоснования тезиса об «извечном» присутствии китайцев на тех или иных территориях, расположенных далеко за пределами государственных границ Китая. При рассмотрении истории соседних с ним чжурчжэньских племен он также следует этому излюбленному приему, непосредственно связывая военно-дипломатические экспедиции Ишиха начала XV в. с событиями конца XVI в., когда один из чжурчжэньских вождей, Нурхаци (Ши Юй-синь представляет его читателям в первую очередь как «чиновника Цзяньчжоуского вэя», то есть пытается выдать за «подданного» Минской империи), объединил под своим началом сперва родоплеменной союз «Маньчжу», а затем ряд соседних чжурчжэньских племен и создал военно-феодальное государство «Поздняя Цзинь». Нурхаци, не раз громивший китайские войска и объединивший чжурчжэньские племена, проживавшие в Южной Маньчжурии, для борьбы с минской колониальной экспансией, в трактовке Ши Юй-синя — добропорядочный и верноподданный «чиновник», якобы «взвзвзавший на себя от Минской династии управление пограничной территорией Северо-Востока» (характерно, что китайские авторы в эту территорию совершенно произвольно включают и бассейн Амура). По Ши Юй-синю, на обширных территориях Дальнего Востока, никогда не входивших ни в состав Китая, ни в состав государства маньчжуров — «Позднее Цзинь», происходит «мирный переход власти» от Минской империи к «китайцу» Нурхаци! (стр. 114).

Здесь уместно провести сравнение с историческими событиями, имевшими место в свое время в странах Европы. Родоплеменная верухушка племен, неоднократно вторгавшихся в пределы Западной Римской империи в период так называемого великого переселения народов — алеманнов, бургундов, вестготов, остготов, гуннов, вандалов, лангобардов, франков и др., а также различных племен — участников крупных переселений на территорию Восточной Римской империи, в том числе склавинов и антов, сплошь и рядом получала различные пышные титулы, знаки отличия и награды от правителей Римской империи и Византии, но никакому историку не приходит в голову утверждать, что болгары, сербы и хорваты являются в силу этого греками или французы и немцы — итальянцами, а территории их проживания и передвижения объявлять принадлежащими современным государствам — Греции, Турции, Италии и т. д.

Другим примером подтасовки фактов и полного игнорирования принципа историзма является утверждение Ши Юй-синя о том, что «Ивовый палисад» не был государственной границей Цинской империи на северо-востоке в первый период правления в Китае маньчжурской династии Цин (как об этом пишут советские историки), что «территория за пределами этого палисада также была китайской, находившейся под контролем воеводы Нингуты и наместника Внутренней Монголии», и что «бассейны рек Амура и Усури издревле принадлежали Китаю» (стр. 115, 118). Ши Юй-синь основывает свое утверждение на сведениях «Цяньлун шилу», хроники цинского богдыхана Цяньлуна, правившего в Китае с 1736 по 1796 гг., то есть спустя 100 лет после завоевания Китая маньчжурами. Как убедительно показал в своей обстоятельной монографии Г. В. Мелихов³⁷, территория за пределами «Ивового палисада» ко времени его строительства, то есть к 80-м годам XVII в., не являлась государственной территорией маньчжурских феодалов.

³⁶ Г. В. Мелихов. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1492—1413 гг.), стр. 272—273.

³⁷ Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.).

Основываясь на маньчжурских и китайских документах, Г. В. Мелихов воссоздает историю завоевания маньчжурами после консолидации маньчжурской народности соседних чжурчжэньских племен, проживавших на территории современного Северо-Восточного Китая (Маньчжурия). Он показывает, что к середине XV в. граница Минской империи на северо-востоке окончательно стабилизировалась и вдоль нее была создана полоса укреплений, известная как минская пограничная стена в Ляодуне, которая шла от Шанхайгуаня на северо-восток и, проходя несколько севернее современного Кайюаня, поворачивала на юг к городу Фушуню и затем шла на юго-восток, к реке Ялуцзян, которая образовывала границу между минским Китаем и Кореей. Примерно половина территории северо-востока за пределами минской границы принадлежала ханствам Южной и Восточной Монголии. На остальной ее части проживали различные по своему этническому составу племена, суммарно обозначившиеся китайской историографией минской эпохи как нюйчжэнь (или жучжэнь), то есть чжурчжэни. Среди них четко выделялись чжурчжэни Цзяньчжоу, у которых в 80-е годы XVI в. возникло сильное маньчжурское племенное объединение, родственные им чжурчжэни Хайси (так называемое Хулуньское объединение); восточнее проживали племена так называемого Чанбайшаньского объединения, а на севере и северо-востоке многочисленные малые племена и народности, не связанные между собой какими-либо союзами, которых средневековые китайские авторы называли «дикими чжурчжэнями». Это были эвенкийские и тунгусо-маньчжурские народности и племена — предки современных нанайцев, дауров, нивхов, орочей, дючеров (хурха) и других народностей Дальнего Востока и Приморья. Эти племена — предки современных малых народов Советского Дальнего Востока — сохраняли родовой строй и в XVII в. стали объектом агрессии со стороны южной, маньчжурской группы племен. Акад. А. П. Окладников показал их самобытную культуру, уходящую корнями в глубокую древность³⁸.

Консолидация маньчжурской народности под руководством талантливого военачальника и крупного государственного деятеля Нурхацы происходила в несколько этапов. В 1583—1589 гг. им были объединены все племена на территории бывшего округа Цзяньчжоу («Цзяньчжоу вэй» минских хроник; вожди этих племен были связаны договорами о ненападении с минским Китаем и получали от китайцев разного рода знаки отличия, подарки и денежное содержание). Эта территория, расположенная в южной части современной Маньчжурии, и стала родиной народности маньчжоу. Нурхацы вел непрерывные войны со своими соседями, увеличивая численность своих войск за счет захвата и привода в Маньчжоу с территорий, лежавших за пределами маньчжурских владений, людей из местных племен. В 1589—1599 гг. Маньчжоу покорило племена Чанбайшаньского объединения, а в 1599—1614 гг. Нурхацы подчинил соседние чжурчжэньские племена, входившие в объединение Хулунь. В 1616 г., подчинив своих соседей в ходе более чем 30-летних войн, Нурхацы создал единое централизованное государство «Поздняя Цзинь» и провозгласил себя богдыханом — великим ханом.

Усиление маньчжуров в непосредственной близости от границ Китая, в Ляодуне, обострило отношения между Минской империей и маньчжурами. Минский двор стал открыто вмешиваться в борьбу Нурхацы с племенем ехэ на стороне последних, что привело вскоре к войне между маньчжурами и Китаем. В 1621 г. Нурхацы захватил ряд сильно укрепленных китайских городов в Ляодуне, а в 1625 г. принял решение о переносе столицы своего государства в Шэньян, переименованный им

³⁸ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья; его же. История Советского Дальнего Востока (от эпохи первобытных отношений до наших дней). Тт. 1—2. Владивосток. 1967.

в Мукден (что в переводе означает «священная столица»). С 1622 г. маньчжуры стали совершать непрерывные набеги на принадлежавшую Китаю западную часть Ляодуна, а затем и на Северный Китай, особенно участвовавшие при преемнике Нурхацы — Абахая.

Наряду с этим маньчжуры вели военные операции против монгольского Чахарского княжества и в ходе двух военных походов 1626—1627 гг. и 1636—1637 гг. завоевали Корею.

Эти военные экспедиции и набеги требовали постоянного пополнения численности маньчжурских войск, которое достигалось путем насильственного угона с родных мест взрослого мужского населения отдаленных племен северо-востока и Приморья (варка, воцзи, хурха), способного держать в руках оружие. Массовый увод пленных и захваченного на местах населения, в том числе женщин и детей, на территорию Маньчжурского государства убедительно подтверждает вывод Г. В. Мелихова о том, что основная цель маньчжуров в походах на народности северо-востока «заключалась не в захвате соседних территорий и присоединении их к Маньчжурскому государству, а лишь в захвате живой силы. Местное население, которому не удавалось скрыться от маньчжурских войск, уводилось на территорию Маньчжоу»³⁹. Поскольку эти походы не ставили своей целью приобретение и закрепление за маньчжурами новых земель и расширение таким путем границ Маньчжоу, то пункты на северо-востоке, в том числе и в среднем течении Амура, которых достигали маньчжурские войска, отнюдь не являлись в тот период пограничными районами Маньчжурского государства; здесь маньчжуры не оставляли ни своей администрации, ни войск.

В конце 1639 г. маньчжуры начали жестокую войну против солонов и сложившейся под руководством их вождя Бомбогора на Амуре коалиции племен, выставивших против маньчжуров 6-тысячное войско. Разгромив солонов и уведя в плен свыше 5 600 человек, маньчжуры, однако, не сломили сопротивление приамурских племен и посылали против них военные экспедиции в 1643 г. и в январе 1645 года. После начавшегося в 1644 г. кровавого завоевания маньчжурами собственно Китая для подавления патриотического сопротивления китайского народа они были вынуждены перебросить в Китай все свои наличные силы и в связи с этим оставить походы в Приамурье и Приморье. Земли к северу от Мукдена, ранее интересовавшие маньчжуров прежде всего как источник пополнения живой силы, теперь перестали иметь для них существенное значение.

При массовых уводах маньчжурами местного населения часто отмечались случаи бегства уведенных в родные края, а после создания русских поселений на Амуре, в 50-х годах XVII в., участились добровольные переходы на русскую сторону эвенкийских и даурских родов во главе с их правителями, вроде Гантимура, Баодая, Вэньду и других, ранее, по-видимому, признававших номинальную зависимость от маньчжуров и получивших от них высокие чины цзолинов⁴⁰. Русское государство, таким образом, защитило народы Приамурья от маньчжурского разбоя и насильственного сгона с родных мест.

Уход маньчжурских войск в Китай привел к опустению земель Мукдена. Лишь в 16 населенных пунктах своей вотчины маньчжуры оставили немногочисленные гарнизоны. Чтобы как-то сохранить сельское хозяйство на плодородных землях Ляодуна и Ляоси, маньчжуры сперва пытались было поощрять китайскую колонизацию края, но в 1668 г. решительно приостановили дальнейший приток китайских поселенцев. С 1655 г. самый дальний форпост маньчжуров на северо-востоке, Нингута, стал использоваться лишь как место ссылки политических и уголов-

³⁹ Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), стр. 57.

⁴⁰ Там же, стр. 67.

ных преступников — китайцев, превращенных в домашних рабов офицеров и воинов местного маньчжурского гарнизона. В 1666 г. город и крепость Нингута были переведены на более удобное место, в 25 км юго-восточнее старого поселения.

С середины 70-х годов XVII в. маньчжуры начали подготовку военных действий в Приамурье, направленных против административного центра русских поселений края — Албазина. В этих целях в 1674 г. был отстроен на берегу реки Сунгари Гирин, где был учрежден специальный экипаж речных судов для предстоящих военных действий. В 1676 г. в Гирин из Нингуты была переведена ставка маньчжурского воеводы. Одновременно в 1676 г. мукденскому цзяньцзюню (воеводе) Аньчжуху было приказано начать строительство линии пограничных укреплений. Эта линия получила название «Ивовый палисад», или «Ивовая граница», так как на отдельных участках для ее строительства применялся двойной палисад из высоких ивовых тычин. Вдоль этой линии протяженностью около 900 км, ограждавшей вотчину маньчжуров с запада, севера и востока, были устроены заставы и поставлены караулы, через которые осуществлялся пропуск лиц за пределы империи⁴¹.

Территории за пределами «Ивового палисада» являлись внешними землями, «землями, находящимися за границей», «большой пустошью», как о них писалось в официальных указах и распоряжениях. Даже солдаты и офицеры, посылаемые на какие-либо промыслы за пределы «Ивового палисада» (на охоту, рыбную ловлю, добычу женьшеня и т. д.), должны были получать специальные пропуска от воеводы Мукдена. Американский историк О. Латтимор отмечал, что «Ивовый палисад» являлся «границей между маньчжурами и китайцами на востоке и маньчжурами и монголами на западе»⁴². Позднее, в первой четверти XVIII в., в дополнение к этой линии была построена вторая, протяженностью около 345 км, состоявшая из воткнутой в землю и связанных между собой ивовых тычин, называвшаяся «Границей ивовых тычин» («Лю тья бянь»). Эта линия укреплений отделяла монгольские кочевья от созданной в 1726 г. Гиринской провинции⁴³. Пользуясь неосведомленностью своих читателей, Ши Юй-синь произвольно отождествляет «Ивовый палисад» с «Границей ивовых тычин», сооруженной 50 лет спустя!

В 1682—1683 гг. маньчжуры предприняли первую попытку закрепиться в Приамурье, сделав своим плацдармом для нападения на русские поселения на Амуре, и в первую очередь на Албазин, крепость Айхунь, с 1683 г. ставшую штаб-квартирой впервые созданного здесь Хэйлунцзянского (Амурского) воеводства. По свидетельству «Шэнцзин тунчжи», «Айхунь находится к северу от города (Нингуты) за границей... От границы до этого места более тысячи ли... Еще не поступило указа подробно выяснить местоположение гор, рек и населенных пунктов (этого края)»⁴⁴. В «Описании земель внутри и вне Ивового палисада», составленном в первой половине XVIII в. китайским ссыльнопоселенцем в Нингуте Ян Бинем, дважды отмечается, что территории Нингуты и Хэйлунцзяна являются «землями цзими», то есть не входящими в состав Цинской империи⁴⁵.

⁴¹ См. «Шэн цзин тунчжи» («Всеобщее описание земель Мукдена»). 1684. Б/м., гл. I, л. ба.

⁴² О. Lattimore. The Mongols of Manchuria. N. Y. 1934, p. 225. Взаимоотношения маньчжуров с монголами подробно исследованы в упомянутой работе И. С. Ермаченко.

⁴³ См. Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), стр. 108. Ши Юй-синь в своей статье начисто игнорирует существование «Ивового палисада», построенного в 1676 г., и говорит лишь о «Границе ивовых тычин», построенной полвека спустя.

⁴⁴ «Шэн цзин тунчжи», гл. 10, лл. 20а — 20б.

⁴⁵ Ян Бинь. Любянь цзильюэ. Шанхай. 1936, гл. I, стр. 5. Известный русский китаевед В. П. Васильев (1818—1900 гг.), автор большого количества работ по истории

Первая попытка маньчжурских властей включить часть территории Гирина в состав Цинской империи была предпринята лишь в 1726 году. Таким образом, земли, примыкающие к Амуру с юга, в течение длительного периода после заключения в 1689 г. Нерчинского договора фактически продолжали оставаться вне границ империи Цин⁴⁶. Об этом наглядно говорит и свидетельство «Пиндин лоча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских») — источника о русско-китайских отношениях XVII в., составленного главой академии Ханьлинь Чан Шу во исполнение указания императора Канси. «Пиндин лоча фанлюэ» представляет собой тематическую подборку архивных материалов и документов за период с 1682 по 1690 г., связанных с территориальной экспансией Цинской империи на Амуре. Из этого источника, содержащего аутентичные документы тех лет, видно, что Цины заимствовали в своих взаимоотношениях с соседними народами традиционную схему китайской дипломатии, рассматривая соседей не как равноправных партнеров, а исключительно как зависимые от Цинской империи «вассальные народы», как «данников». Книга насыщена славословиями в адрес Канси и маньчжуро-китайского воинства; Русское государство в ней называется «данником» Цинской империи, а русские люди — словом «лоча» — «демоны, терзающие людей». При всем том весьма ценно свидетельство, трижды повторенное в источнике, что Цины по Нерчинскому договору 1689 г. приобрели никогда не принадлежавшие им ранее земли. Так, в докладе Государственного совета императору Канси от 13 января 1690 г. говорится об итогах переговоров с послами Российского государства: «Таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав Ваших владений»⁴⁷. Впоследствии, при переиздании этих документов,

маньчжуров, писал, что цинское правительство неизменно старалось изолировать свои колониальные окраины как от всего остального мира, так и от собственно Китая, рассматривая их как «забор», «заслон». «Самое слово «вассал» («фань») на китайском языке собственно значит «забор», «плетень», то есть вассал должен служить преградой нападению живущих за ним иностранцев. Уж если они будут сильны, так пусть-ка прежде пробираются через этот забор; следовательно, чем шире пространство, занимаемое вассальными землями, тем спокойнее собственно Китаю. Из этого же следует, что о процветании вассалов не только не нужно заботиться, но и стараться, чтобы они не улучшили своего быта и народонаселения и не сделались опасны». Цит. по: К. Ш. Хафизова. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. «История и культура Китая». Сборник памяти академика В. П. Васильева. М. 1974, стр. 113). В другой своей работе В. П. Васильев писал о маньчжурском правительстве: «Принадлежа к чужеземной расе, оно смотрело на огромные и разнообразные страны: Монголию, Джунгарию, Туркестан, Тибет и Китай, как на свою добычу, и с жадностью следило, чтобы оградить эти страны от всякого соприкосновения с остальным миром...» (там же, стр. 114).

⁴⁶ См. Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), стр. 117.

⁴⁷ «Русско-китайские отношения в XVII веке». Материалы и документы в двух томах. Т. 2. М. 1972, стр. 686. Впоследствии многие документы и материалы, впервые приведенные в источнике, в препарированном виде, с изъятием нежелательных для Цинов свидетельств, переиздавались во многих других публикациях, в том числе и в составленной в 1713 г. «Хронике Канси» («Канси шилу»). В предисловии к т. 2 «Русско-китайских отношений в XVII веке» на стр. 47 ошибочно указано, что процитированное место из «Пиндин лоча фанлюэ» содержится в докладе не Государственного совета, как указано в тексте документа, опубликованного тут же на стр. 686, а в докладе Цзюнь цзичу (Военного совета), перенявшего наиболее ответственные функции Государственного совета. Ши Юй-синь в своей статье, обращая внимание на эту ошибку, в свою очередь, неверно датирует создание Военного совета 1732 годом (стр. 118). Военный совет был создан наследником Канси императором Юнчжэном в 1727 г. и два года действовал в глубокой тайне. В 1729 г. было официально объявлено о его создании, но только в 1732 г. была утверждена официальная печать этого учреждения (см. «A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644—1820)». Compiled, Translated and Annotated by Lo-shu Fu. University of Arizona Press. Tucson. 1966, p. XVI). Кстати, это далеко не единственная фактическая ошибка в статье Ши Юй-синя. Так, на той же стр. 118 он не только искажал итоги дипломатической миссии С. Л. Рагузинского-Владиславича (графа Иллийского), возглавлявшего русское посольство в цинский Китай в 1725—1728 гг., но и перепутал самое фамилию посла.

цинские власти сознательно исключали всякое упоминание о «благоприобретении» земель на северо-востоке в результате военных действий против России.

Не может быть сомнений в том, что китайским историкам хорошо известны приведенные выше факты, а также и то обстоятельство, что маньчжурские и китайские карты северо-востока XVIII в. содержат массу фактических неточностей, свидетельствующих о крайне слабом знакомстве авторов этих карт с конкретной местностью. Общеизвестно и то, что в ходе Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского еще и в 1849—1855 гг. не было обнаружено никаких следов присутствия китайцев на обширной территории Приморья. «О Китае и китайцах не имеют никакого понятия,—докладывал участник экспедиции Н. М. Чихачев, обследовавший нижнее течение Амура и опрашивавший местных жителей,— и утвердительно можно сказать, что влияния над ними китайского правительства не существует». Аналогичные свидетельства содержатся и в записках первостроителя Николаевска-на-Амуре А. И. Петрова и других участников Амурской экспедиции⁴⁸.

Другой ведущей сюжетной линией, пронизывающей статью Ши Юйсина, является идеализация маньчжурского владычества в Китае, стремление представить в розовом свете 268-летнее господство Цинской династии над китайским и другими народами, насильственно включенными в состав Цинской империи, нарисовать этакую идиллическую картину дружбы народов при правлении Цинов.

В работах советских историков с достаточной полнотой раскрыт агрессивный, захватнический характер внешней политики Цинского государства как до вторжения маньчжуров в пределы Минской империи, так и после установления маньчжурского владычества в Китае, равно как и реакционная внутренняя политика Цинской монархии. В опубликованном в 1966 г. сборнике статей «Маньчжурское владычество в Китае» содержится богатый материал, характеризующий реакционную внутреннюю и внешнюю политику завоевателей Китая и сопредельных стран и народов⁴⁹. Авторы сборника, сосредоточив главное внимание на критике отдельных сторон маньчжурского владычества, приходят к выводу, что китайские феодалы несут основную ответственность за то, что они допустили вторжение маньчжуров в Китай, и за столь длительное бесславное царствование Цинской династии (с 60-х годов XIX в. эту ответственность стали в известной мере разделять с китайскими феодалами и правительства ряда капиталистических держав).

В последующие годы вышел ряд монографических исследований советских авторов, посвященных отдельным событиям и процессам истории Китая в период правления маньчжурской династии, среди которых следует назвать книгу В. П. Илюшечкина «Крестьянская война тайпинов» (М. 1967) о могучей крестьянской войне под лозунгом свержения власти чужеземной маньчжурской династии; работу А. Г. Крымова «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917 гг.» (М. 1972), в которой исследуются многочисленные антиманьчжурские произведения китайских буржуазных революционеров накануне Синьхайской революции; проблемную, всесторонне документированную монографию Г. В. Ефимова «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы» (М. 1974), подводящую опре-

⁴⁸ См. А. И. Алексеев. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М. 1974, стр. 65; А. И. Петров. Амурский щит. Записки первостроителя Николаевска-на-Амуре. Хабаровск. 1974.

⁴⁹ В качестве приложения в сборнике приведен перечень работ советских авторов по истории, экономике и международным отношениям Китая в период господства династии Цин, включающий работы, опубликованные после 1957 г. и не вошедшие во второе, переработанное и расширенное издание «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова (М. 1960). См. «Маньчжурское владычество в Китае», М. 1966, стр. 376—386.

деленный итог многолетним исследованиям советских ученых и прежде всего самого автора в области истории Синьхайской революции; ряд монографий, исследующих внутреннюю и внешнюю политику цинского правительства до завоевания Китая маньчжурами и показывающих сопротивление китайского и монгольского народов захватчикам (в XVII—XIX вв.)⁵⁰; ряд книг, показывающих назревание буржуазной революции, направленной против Цинской монархии⁵¹; документальные сборники: «Восстание ихэтуаней» (М. 1968), «Синьхайская революция» (М. 1968), «Русско-китайские отношения в XVII веке» (т. 1. М. 1969; т. 2. М. 1972), материалы которых убедительно свидетельствуют о реакционном характере правления Цинской династии. Обобщающим трудом советских историков по всему периоду маньчжурского владычества в Китае (1644—1912 гг.) явилась «Новая история Китая» (М. 1972). Обо всех этих работах следует напомнить потому, что Ши Юй-синь в своей статье пытается создать впечатление о том, что советские историки обратились к указанным сюжетам лишь «за последние два года».

Во всех перечисленных выше книгах, равно как и в значительном количестве статей в советских периодических изданиях, содержится огромный фактический материал, свидетельствующий о том, что представители передовых общественных сил Китая, начиная от Ван Фу-чжи и Хуан Цзун-сяня в XVII в., вождей крестьянской войны середины XIX в. Хун Сю-цюаня, Ян Сю-цина и Сяо Чао-гуя и до революционера-демократа Сунь Ят-сена, непрерывно, все 268 лет пребывания у власти в Китае маньчжурской Цинской династии, рассматривали маньчжуров как чужеземных поработителей Китая и призывали к непримиримой борьбе с ними.

Великий сын китайского народа Сунь Ят-сен, признанный руководитель революции, свергшей власть Цинов, еще в мрачные годы маньчжурского владычества в Китае, объясняя первый из своих «трех народных принципов» — «национализм», говорил, что поработенные маньчжурами китайцы стали «народом без родины», и призывал «обратиться мысленно к тому времени, когда погибло наше государство», когда «предки наши не хотели подчиниться маньчжурам». «Закройте глаза и представьте себе картину ожесточенных битв, когда кровь лилась рекой и тела павших устилали поля, и вы поймете, что совесть наших предков чиста», — говорил Сунь Ят-сен. «Когда же обращаешься ко временам, наступившим после гибели нашего государства, когда маньчжурское правительство всячески издевалось над ханьским народом, — продолжал Сунь Ят-сен, — то видишь, что мы, ханьцы, лишь внешне подчинились пришельцам, в душе же мы не примирились со своими поработителями и не раз поднимали против них восстания»⁵².

Лозунг «фань Цин» («долой Цинов») был наиболее распространенным лозунгом всех народных движений в Китае с 60-х годов XVII в. по февраль 1912 года.

В работах К. Маркса есть ряд метких характеристик современного ему политического режима в Китае, то есть Цинской монархии. В статье

⁵⁰ Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.); И. С. Ермаченко. Указ, соч.; Н. И. Фомина. Борьба Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М. 1974; Е. Б. Поршнева. Учение «Белого лотоса» — идеология народного восстания 1796—1804 гг. М. 1972; В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М. 1973.

⁵¹ А. М. Григорьев. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895—1905). М. 1966; Ю. В. Чудодеев. Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М. 1966; Е. А. Белов. Учанское восстание в Китае (1911 г.). М. 1971; Л. Н. Борох. Союз возрождения Китая. М. 1971; А. С. Костяева. Народные движения в Китае в 1901—1911 гг. М. 1970.

⁵² Сунь Ят-сен. Три народных принципа и будущее Китая. Избранные произведения. М. 1964, стр. 121—122.

«Революция в Китае и в Европе», напечатанной в качестве передовой в «New York Daily Tribune» 14 июня 1853 г., он писал, что «хронические восстания, продолжающиеся уже около десяти лет в Китае», проявляются в «религиозной, династической или национальной» формах и что Англия, Франция и США «пытаются оказать поддержку пошатнувшейся маньчжурской династии». К. Маркс обращал внимание на то, что «ненависть к иностранцам и изгнание их из пределов империи, имевшие место в прежние времена лишь вследствие географических и этнографических особенностей Китая, стали политической системой только со времени завоевания этой страны маньчжуро-татарами». Объясняя причины политики изоляции Китая от внешнего мира, которую проводили цинские императоры, К. Маркс писал: «Не поддежит ни малейшему сомнению, что бурные раздоры между европейскими нациями, которые с конца XVII века стали соперничать друг с другом из-за торговли с Китаем, послужили мощным толчком для проведения принятой маньчжурами политики недопущения иностранцев. Но еще сильнее побуждали к этому новую династию опасения, что иностранцы будут поддерживать недовольство, которым была охвачена значительная часть китайцев в течение первых пятидесяти лет или около этого, после покорения Китая татарами»⁵³. В этой же статье К. Маркса имеется крайне любопытное сравнение политики маньчжуров с политикой Габсбургов в 1848 году. Сравнение Цинской империи с многонациональной Австрийской империей периода революционных национальных выступлений угнетавшихся Габсбургами народов весьма ценно для понимания реакционной национальной политики маньчжурской монархии. В другой своей работе, «Китайские дела», опубликованной в газете «Die Presse» 7 июля 1862 г., К. Маркс писал: «... в Китае, в этой живой окаменелости, началось революционное брожение... В Китае господствует чужеземная династия. Почему бы после 300 лет не возникнуть движению, направленному к свержению этой династии?»⁵⁴.

Характеризуя цинское правительство в работе «Китайская война», опубликованной в декабре 1900 г., В. И. Ленин писал, что китайский народ страдает «от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе...»⁵⁵. В статье «Демократия и народничество в Китае», напечатанной в июле 1912 г., В. И. Ленин указывал, что политическими выразителями системы феодализма в Китае — этой «отсталой, земледельческой, полуфеодальмой» стране — «были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы»⁵⁶.

Идеализация Ши Юй-синем правления маньчжурских богдыханов является антинаучной, преследует гегемонистские, великодержавные цели «обоснования» притязаний маоистов на земли соседей КНР.

Нельзя пройти и мимо другого аспекта статьи Ши Юй-синя — стремления поссорить китайский народ с народами Советского Союза, раздувая надуманный «пограничный вопрос». Голословно объявляя «неравноправными» «все договоры, имеющие отношение к современной китайско-советской границе», Ши Юй-синь утверждает, будто «из всех империалистических держав царская Россия захватила самые большие участки китайской территории» (стр. 121). Все постановления о границе, заключающиеся в Айгунском, Пекинском и Петербургском договорах, безапелляционно квалифицируются им как «русская агрессия». При этом характерно, что автор ни разу не решается процитировать текст статей указанных договоров, оперируя лишь недружественными России

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 99, 103—104

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 529.

⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 383.

⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 403—404.

оценками из книг, посвященных этим договорам, то есть материалами из вторых рук.

История русско-китайского пограничного размежевания достаточно полно освещена в работах советских историков⁵⁷, и здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Границы, в пределах которых русский и другие народы нашей страны совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, отстаивали независимость своей родины в ходе гражданской войны и интервенции 14 держав (в числе которых, напомним, находился и милитаристский Китай) и используя свое право на самоопределение, добровольно объединились в едином Советском многонациональном государстве, нерушимы и неприкосновенны.

Прочность этих границ на Дальнем Востоке в прошлом пытались прощупать китайские милитаристы—чжанцзолиневцы в 1929 г., японская военщина совместно с китайскими марионеточными войсками Маньчжоу-Го в 1932—1945 гг. и маоистские провокаторы в 1969 году. Что бы там ни писали маоисты, их бредовые планы захвата советских земель обречены на неизбежный провал. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, касаясь советско-китайских отношений, «никто не заставит нас отойти от нашей принципиальной марксистско-ленинской линии, от твердой защиты государственных интересов советского народа и неприкосновенности территории СССР...»⁵⁸.

Кратко коснемся лишь некоторых «методов работы», грубых передержек Ши Юй-синя, пытающегося в глазах китайских читателей «уличить» советских историков в том, что они «покрывают преступные захваты царской Россией китайской территории». Так, Ши Юй-синь утверждает, что даже изданный в России в 1903 г. «Большой энциклопедический словарь» сообщал, что «западная граница Китая проходила по озеру Балхаш», а советские историки-де этого признавать не желают. Однако на стр. 805 тома 76 упомянутого словаря есть фраза о том, что по Балхашу в свое время проходила граница Джунгарии, а не Китая. Но поскольку Ши Юй-синь декларировал в своей статье, что никакого Джунгарского государства не существовало, что джунгары — национальное меньшинство Китая, он позволяет себе не моргнув глазом столь грубую передержку! Аналогичным образом он поступает, заявляя, что в 1871 г. Россия была «прихвостнем английского империализма», во второй половине XIX в. «в сговоре с западными державами шаг за шагом втягивала Китай в бедственный омут полукOLONиального положения». Утверждая, что «политика царского правительства в отношении Китая в сущности ничем не отличалась от политики западных держав» и что «если говорить о каких-то различиях», то царская Россия даже превосходила остальные державы по своей алчности, и, нагромождая всевозможные обвинения по адресу внешней политики России в различные исторические эпохи, Ши Юй-синь одним росчерком пера экстраполирует их на Советский Союз, ложно приписывая ему стремление к агрессии

⁵⁷ Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. «Международная жизнь», 1972, № 6; Е. Д. Костилов. Великодержавные амбиции и пограничная политика китайского руководства. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1; его же. Политическая картография на службе великодержавного национализма. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 90; А. Л. Нарочницкий. Главы I—II коллективной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке». Кн. I. М. 1973; Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. «Вопросы истории», 1974, № 6; Б. П. Гуревич. Указ. соч.; В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1; М. И. Сладковский. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX века. «Новая и новейшая история», 1975, № 3.

⁵⁸ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М. 1972, стр. 33.

против Китая, «алчные устремления в отношении китайской территории» (стр. 124, 126).

Приведем ряд фактов и авторитетных свидетельств, говорящих о том, что в силу ряда обстоятельств исторического, географического и экономического порядка политика России в отношении Китая до 90-х годов XIX в. существенно отличалась от политики Англии, Франции и США. Несмотря на то, что цинские власти уклонялись от установления с Россией контактов, политика ее правительства была направлена на установление нормальных отношений между двумя соседними государствами. Определяя основы этой политики, директор азиатского департамента министерства иностранных дел России К. К. Родофиникин в письме на имя главы российской духовной миссии в Пекине (Россия — единственная из иностранных государств, имевшая с 1725 г. свое постоянное представительство в столице Цинской империи) от 26 апреля 1833 г. писал: «Главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и укреплении дружественных с Китаем связей как с государством; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с Китаем сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод»⁵⁹.

Россия решительно осудила торговлю опиумом, которую вели с Китаем Англия, США и другие западные страны. Россия не имела в Китае сети миссионерских учреждений, подобно Англии, Франции и США. До 60-х годов XIX в. торговля России с Китаем велась исключительно по сухопутью. Правительство России решительно отказывалось присоединяться к антикитайской коалиции западных держав в период второй «опиумной войны». В ответ на предложение Англии русское правительство через посла в Париже П. Н. Киселева четко и недвусмысленно заявило, что в отношении Китая Россия «не присоединится ни к каким насильственным мерам» и «не прибегнет к языку угроз»⁶⁰.

Отмечая отличие политики России в отношении Китая, К. Маркс писал в статье «Русская торговля с Китаем», помещенной 7 апреля 1857 г. в «New York Daily Tribune» (несколько вырванных из общего контекста слов из этой статьи, как указывалось выше, приводил Ши Юй-синь): «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря...»⁶¹. Ши Юй-синь же, вопреки общеизвестным фактам, негодными средствами пытаюсь подкрепить нынешний антисоветский курс маоистов, представляет Россию середины XIX в. самым главным из всех капиталистических держав врагом Китая!

Выражая от имени русских социал-демократов и широких слоев трудящихся России симпатию китайскому народу в период развернувшегося в Северном и Северо-Восточном Китае в 1899—1900 гг. антиимпериалистического движения ихэтуаней, В. И. Ленин в № 1 газеты «Искра» в декабре 1900 г. откликнулся на события в Китае статьей «Китайская война». В ней он дал совершенно четкое определение времени

⁵⁹ «Новая история Китая». М. 1972, стр. 100.

⁶⁰ См. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М. 1956, стр. 120—121.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 157—158.

начала участия русского капитализма в колониальной грабеже Китая — конец XIX века. «Могли ли китайцы,— писал В. И. Ленин,— не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а *теперь* (курсив наш.— С. Т.) к ней присоединилось и русское самодержавное правительство»⁶².

Ши Юй-синь в своей статье обходит молчанием тот принципиальный факт, что большевики, возглавляемые В. И. Лениным, были первыми и последовательными борцами с колониальной политикой царизма, в том числе и с политикой царского правительства в отношении Китая. В написанных В. И. Лениным статьях «Пробуждение Азии», «Горючий материал в мировой политике», «Демократия и народничество в Китае», в резолюции Пражской конференции РСДРП о китайской революции, свергнувшей маньчжурское владычество, и др. содержалось выражение солидарности российского пролетариата с борьбой передовых общественных сил Китая против Цинской монархии и империализма. Прогрессивная русская общественность в лице А. М. Горького горячо приветствовала китайскую революцию и солидаризировалась с ней.

Следуя ленинским заветам, советская историческая наука гневно и страстно, без утайки обличает реакционную внутреннюю и внешнюю политику царизма, но она далека от того, чтобы чернить великие подвиги простых русских людей — крестьян и ремесленников — в хозяйственном освоении бескрайних и малозаселенных окраин Русского государства — Сибири и Дальнего Востока, становиться на космополитические позиции «Иванов, не помнящих родства». Нет также никаких оснований для того, чтобы отказываться от критики колонизаторской, завоевательной политики английских, французских и американских капиталистов, алчно зарившихся на русские земли — Приморье и Камчатку, посылавших к дальневосточным берегам свои военно-морские экспедиции, ведших колониальные войны с Китаем и Японией, и не показывать объективно отличия дальневосточной политики царской России в середине XIX в. от политики западных колонизаторов.

Сегодня только ослепленные великодержавным угаром китайские националисты могут игнорировать коренное отличие миролюбивой политики Советского государства от политики царизма и Временного буржуазно-помещичьего правительства. Политика добрососедства и бескорыстной братской помощи китайскому народу в его национально-освободительной борьбе и в строительстве основ социализма — такова политика Советской власти в отношении Китая с первых дней ее существования. В отличие от человеконенавистнических писаний «обновителя Вселенной», пытающегося разжечь у китайского народа ненависть к его давнишнему и верному другу — советскому народу, наши историки в своих трудах стремятся, как это четко и ясно написано в предисловии к «Новой истории Китая», «способствовать лучшему взаимопониманию и дружбе между народами Советского Союза и Китая»⁶³.

В заключительных разделах своей статьи Ши Юй-синь излагает пекинскую версию состояния советско-китайских переговоров по пограничным вопросам. Эти переговоры по вине маоистов зашли практически с самого начала в тупик. Ши Юй-синь пытается свалить с большой головы на здоровую ответственность за затягивание переговоров, обвиняя

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 379.

⁶³ «Новая история Китая», стр. 12.

советскую сторону в том, что она «не признает существования спорных районов на китайско-советской границе...» (то есть в том, что Советский Союз не соглашается с необоснованными территориальными домогательствами китайской стороны!). Как четко и ясно сказал в своей речи в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г. Л. И. Брежнев, Советский Союз в отличие от КНР, претендующей на ряд участков советской территории, именуемых Пекином «спорными районами», не претендует «ни на какие чужие территории, и в этом смысле для нас никаких «спорных районов» не существует»⁶⁴.

Злобный антисоветизм, раздувание антисоветской истерии стали составной частью гегемонистской, великоханьской кампании, проводимой маоистским руководством в КНР и за ее пределами. Однако что бы ни писали Ши Юй-синь и ему подобные, пытаясь объявить советские земли «китайскими» и обвинить СССР в посягательстве на территории Синьцзяна, Маньчжурии и даже Северного Китая, «вплоть до китайской стены», их попытки обмануть китайский народ и мировое общественное мнение обречены на провал.

Борьба с великоханьским национализмом и гегемонизмом маоистов является в то же время борьбой за возврат Китая на путь строительства социализма. Советские люди уверены в том, что жизнь в конечном счете возьмет верх над субъективными политическими извращениями, что дело социализма восторжествует и в Китае и что историческая наука в КНР, преодолев буржуазный национализм, вновь будет развиваться на основе марксистско-ленинской методологии.

⁶⁴ «Правда», 27.XI.1974.